

ТАТИЩЕВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ И ЕЕ РЕФОРМАХ

Аннотация: В статье анализируются татищевские известия о княгине Ольге. Показано, что значительная часть этих известий происходит из Степенной книги, Четьи-Минеи Димитрия Ростовского, «Синописа», хроники Стрыйковского и Никоновской летописи. Татищев некритично повторил ряд содержащихся в этих источниках поздних догадок и добавил свои собственные домыслы, некоторые из которых он подкреплял ссылками на сомнительные источники.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, княгиня Ольга, «Хроника» Стрыйковского, Степенная Книга, Четьи-Минеи Димитрия Ростовского, Синописис, «Раскольниковый список», «История Иоакима».

Достоверность татищевских известий продолжает оставаться дискуссионным вопросом¹. Несмотря на работы Е. Е.

Голубинского², П. Н. Милюкова³, С. Л. Пештича⁴, Е. М. Добрушкина⁵, С. Я. Лурья⁶, С. Н. Валка⁷, А. П. Толочко⁸, В. М. Моргайло⁹, М. Б. Свердлова¹⁰, А. В. Горovenко¹¹, на целом ряде примеров наглядно продемонстрировавших, насколько вольно обращался Татищев с историческими

переходящей даже не на личности, а прямо к личным оскорблениям (вплоть до обвинений А. П. Толочко в фоменковщине!), едва ли способствует выяснению истины. В содержательном плане эти «антитолочковские» работы можно охарактеризовать словами из давней статьи Е. М. Добрушкина и С. Я. Лурье: «вместо анализа «Истории Российской» нам предлагают посмертную апологию первого русского историка» (*Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева // Русская литература. № 2. 1970. С. 223).

²Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. 4. Прибавления М., 1881. С. 602-640.

³Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М. 1898.

⁴Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. В. I. Л., 1961.

⁵Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий». // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76-96.

⁶Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников?...С. 219-224.

⁷Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л., 1966. С. 66-73.

⁸Толочко А. П. История Российская Василия Татищева...

⁹Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 260-268.

¹⁰Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

¹¹Горovenко А. В. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб., 2019.

¹Рыбаков С. В. В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. № 4. 2007. С. 161-167; Стефанович П. С. «История Российская» В. Н. Татищева: споры продолжаются. // Отечественная история. № 3. Май-июнь. 2007. С. 88-96; Качин Н. А. В. Н. Татищев – прообраз первого российского историка. // Вестник Томского государственного университета. История. № 1. (27). 2014. С. 98-102. Целый ряд апологетических работ о В. Н. Татищеве был вызван публикацией книги А. П. Толочко (*Толочко А. П.* История Российская Василия Татищева: источники и известия. М.-К., 2005): 1) *Азбелев С. Н.* Рецензия на книгу: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 3. 2007. С. 255-261. 2) *Журавель А. В.* Новый Герострат или у истоков современной истории. // Сборник РИО. Т. 10 (158). М., 2006. С. 522-544. 3) *Фомин В. В.* Страсти по Татищеву. // Исторический формат. №1. 2016. С. 55-72; 4) *Гагин И. А.* Очередное покушение на В. Н. Татищева. Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. 2008. С. 119-130. Ожесточенность критики, порой

источниками и насколько исчезающие мала вероятность того, что в его распоряжении были какие-то неизвестные современной науке списки «древнейших манускриптов», остается немалое число историков, допускающих хотя бы в теории возможность того, что некоторые из татищевских известий могут оказаться если не достоверными, то по крайней мере имеющими какую-то опору в несохранившихся или еще не открытых источниках¹². Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения как можно большего числа отдельных татищевских известий, выяснения их происхождения, уточнения круга имевшихся в распоряжении Татищева материалов, анализа особенностей работы Татищева с источниками, разбора конкретных примеров того, как в тексте татищевской «Истории...» преломлялись добытые им сведения.

Наибольшая часть татищевских известий относится к XII–XIII векам. Именно эта группа известий чаще всего привлекала внимания исследователей (тем более что как раз на эти столетия приходятся такие драматичные высокохудожественные нарративы, как изгнание евреев при Мономахе, козни Святохны, портреты и подробности интимной жизни ряда киевских князей, «конституционный проект» Романа Галицкого, папское посольство к Роману и проч.). На предыдущие столетия приходится гораздо меньшее количество татищевских известий. Из них наиболее частым предметом дискуссий становился договор Владимира Святого с волжскими болгарами. «История Иоакима Новгородского», недостоверность которой не являлась тайной уже для М. М. Щербатова¹³ и недавно была еще раз

наглядно показана М. Б. Свердловым¹⁴, с недавнего времени поднята на щит норманофобами, всерьез обсуждающими историческую реальность Умилы Гостомысловны¹⁵.

Впрочем, не все «сведения» «Истории Иоакима» удостоились одинакового внимания: если о «генеалогических связях Рюрика» дискутируют много и охотно, то об «изборском» происхождении «внучки Гостомысла» Ольги вспоминают гораздо реже. Между тем именно краткость татищевских известий о княгине Ольге делает их удобными для исследования: «компактность» материала позволяет использовать его как модель, на которой можно нагляднее представить «творческую кухню» Василия Никитича Татищева и проследить генезис приводимых им сведений.

Из первых томов татищевской «Истории Российской с самых древнейших времен», изданных Г. Ф. Миллером, любители отечественных древностей могли узнать о княгине Ольге ряд любопытных подробностей. Оказалось, что, вопреки своему варяжскому имени, она была прирожденной славянкой. Происходила она не из Пскова, как «ошибочно» уверял Нестор, а из Изборска. Псков же был ею основан в 948 г.¹⁶ Ее дедом был князь Гостомysl; настоящее имя ее было Прекраса; лишь позднее она была переименована вещим Олегом¹⁷. Она была не единственной женой Игоря, но почиталась им более других жен по причине своей мудрости¹⁸. Сына Святослава

¹⁴Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки. СПб., 2011. С. 473-474.

¹⁵Фомин В. В. Страсти по Татищеву. С. 68.; Карпенко А. А. О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В. Н. Татищева // Ист. формат. № 3-4 2017. С. 252-280; Грот Л. П. Семь веков новгородского летописания (Азбелов С.Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.) // Исторический формат. № 3-4. 2017. С. 307-322.

¹⁶Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 2. М., 2016. С. 54.

¹⁷Там же. С. 272.

¹⁸Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 137.

¹²«История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (Стенограмма заседания 12 мая 2006 г.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 148-161; Конча С. В. Исследования о летописи Иоакима. // Начала Русского мира. 2014. № 1. С. 146-165.

¹³Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, одному приятелю, в оправдание на некоторые сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М. 1789. С. 11-27.

Ольга родила в 920 г.¹⁹, так что ко времени гибели Игоря он не был «вѣльми дѣтескъ», а был могучим воином, способным насквозь пробить коня копейным броском²⁰. Будучи славянкой, Ольга ввела во всеобщее употребление славянский язык и «возвысила» славянский народ, который «пришествием Рюрика... был уничижен»²¹. Ознакомившись у живущих в Киеве христиан с новой верой, она не осмелилась креститься в Киеве из-за «крайнего страха от народа» и потому отправилась под каким-то предлогом в Царьград²². Приняв там крещение и вернувшись в Киев, она уговаривала креститься не только своего сына, но и множество других людей, из которых некоторые (в первую очередь ее приближенные, сопровождавшие ее в Константинополь) действительно крестились; кое-кто из неопитов принял смерть от руки святославовых вельмож²³. Острая нелюбовь Святослава к грекам стала причиной того, что Ольга отказала послу императора в обещанных воинских подкреплениях; но, возможно, Ольга просто опасалась отправлять войско слишком далеко от Киева²⁴. Ольга привела с собой из Царьграда иереев, построила деревянный храм Святой Софии, для украшения которого патриарх прислал ей иконы²⁵. Впоследствии этот храм был разорен Святославом²⁶. Также из «Истории Российской» можно было узнать, что Рогнеда напрасно обзывала Владимира «робичем»: его мать Малуша была свойственницей Ольги, которая рассердилась на нее лишь за то, что она вступила в брак со Святославом без ее согласия²⁷. Не была обойдена вниманием и реформаторская деятельность Ольги: во-первых, ей

приписывалось разделение государства на округа (так Татищев истолковал летописные известия о погостах Ольги)²⁸; во-вторых, историк сообщал, что в 964 году Ольга отменила какое-то «княжее», заменив его податью черной куницей с жениха в пользу князя или боярина; в примечании к этому известию Татищев доказывал, что здесь подразумевается *jus primae noctis*²⁹.

Образованная часть российского общества, интересующаяся отечественной историей, долгое время черпала сведения о ней исключительно из труда Татищева. Показателен пример Екатерины Второй, чьи «Записки касательно российской истории» представляли собой, по существу, конспект татищевской «Истории Российской»³⁰. В

²⁸ Там же. С. 284.

²⁹ Там же. С. 57, 285-286.

³⁰ Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1989. С. 164-174. По оценке исследовательницы, 80% текста «Записок» приходится на заимствования из Татищева (Там же. С. 169). В качестве историографического курьеза стоит отметить предположение Л. М. Гавриловой об использовании Татищевым Троицкой летописи. Исследовательница опиралась на наблюдения Г. Н. Моисеевой (Моисеева Г. Н. Троицкая летопись в сочинении Екатерины II // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 263-271), согласно которым императрица при составлении «Записок» использовала выписки из копии Троицкой летописи. Л. М. Гаврилова показала текстологически, что те фрагменты «Записок», которые Г. Н. Моисеева считала заимствованием из Троицкой летописи, на самом деле восходят к тексту «Истории Российской». Это дало повод заключить, что Екатерина II пользовалась Троицкой летописью не напрямую, а посредством татищевского сочинения. Исследовательница задавалась вопросом «об использовании Троицкой летописи 1408 г. не только до появления «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но и до появления «Записок» Екатерины II» (Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II. С. 174) – иными словами, об использовании Троицкой летописи Татищевым, что означало переворот в отечественной историографии. Однако на самом деле тут имел место методологический промах Г. Н. Моисеевой: на счет Троицкой летописи она относила все известия, которые отсутствовали в Лаврентьевской летописи, не взяв во внимание того, что эти же известия могут содержаться не только в Троицкой, но и в других летописях, включая те, которыми располагал Татищев. Так, сообщение о женитьбе Константина Всеволодовича на дочери Мстислава Романовича содержится в имевшейся у Татищева Никоновской летописи (Полное собрание русских

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 288.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 458.

²² Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 54.

²³ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137, 146.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 56.

²⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

²⁶ Там же. С. 146.

²⁷ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 287.

частности, все сведения об Ольге в «Записках...» даны точно по Татищеву, включая имя Прекрасы и происхождение из Изборска. В популярных представлениях о древней русской истории татищевский нарратив продолжал господствовать вплоть до выхода в свет работы Н. М. Карамзина, отвергнувшего как недостоверные целый ряд татищевских известий, в том числе и те, которые касались княгини Ольги³¹. Однако же некоторые из татищевских догадок Карамзин в своей «Истории государства Российского» повторил, например, относительно погостов: «В древние времена так называлась округа или несколько деревень, подсудных одному начальству. Разделение областей на такие округа могло быть в Ольгино время делом великой законодательной мудрости»³². Из этого замечания вырос концепт «административной реформы княгини Ольги», впоследствии дополненный реформой «налоговой» или «финансовой» и получивший мощное

летописей (далее - ПСРЛ). Т. X. М., 2000. С. 23). Правда, там нет указанного у Татищева (и повторенного Екатериной II) имени невесты, однако нетрудно догадаться, что Татищев это имя реконструировал, опираясь на ту же Никоновскую летопись и допустив при этом ошибку: имя Агафьи супруга Константина приняла при постриге (там же. С. 81), следовательно, она не могла называться Агафьей при венчании. Также в Никоновской летописи есть известие о смерти княгини Марии (там же. С. 49), повторяющееся в Троицкой летописи, у Татищева и у Екатерины II. О мире Юрия Всеволодовича с волжскими болгарами Татищев (а за ним и Екатерина II) узнали тоже из Никоновской летописи (там же. С. 98). Что же до подробностей этого договора (торговые соглашения и проч.), то они целиком на совести Татищева. Датировка и подробности смерти Ивана Дмитриевича Переславского у Татищева и Екатерины тоже идентичны таковым в Никоновской летописи (там же. С. 174), за исключением числа и месяца, которые, впрочем, не указаны и в Троицкой летописи (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950. С. 350). Там же читается известие о поездке князя Андрея Александровича в Орду. Таким образом, оснований полагать, что Татищев держал в руках Троицкую летопись, нет: все «троицкие» известия в «Записках» Екатерины II – это «никоновские» известия в татищевской обработке.

³¹*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга 1. Т. 1. Изд. 5-е. СПб., 1842. Примеч. 303, 377, 378, 383, 386.

³²Там же. Прим. 377.

развитие в последующей отечественной историографии³³.

Образ Ольги как великой преобразовательницы, являющей образцы «великой законодательной мудрости», впервые оформился именно в татищевском нарративе. В его «Истории Российской...» Ольга не ограничивается личным крещением, а обращает в новую веру многих из своих подданных, строит и украшает церкви. Она оттесняет от государственного кормила варягов и дает достойное место представителям славянского народа, вводит во всеобщее употребление славянские имена и язык, разделяет государства на административно-территориальные единицы. Наконец, она заменяет право первой ночи брачными пошлинами. Последующие поколения историков, отринув многое в татищевском рассказе, сохранили общую оценку правления Ольги как значимого этапа в становлении древнерусского государства. В этом плане В. Н. Татищев действительно оказался, как выразился А. П. Толочко, «модерным»³⁴ историком, интуитивно предвосхитившим тенденции в развитии отечественной исторической науки как минимум на два с половиной столетия вперед.

Образ княгини Ольги привлекал Татищева с самых ранних этапов его исторических штудий. В письме к И. Д. Шумахеру в декабре 1730 года Татищев упоминает о задуманной им «гистории великой княгини Ольги» и указывает в качестве возможных ее источников Синописис, Степенную книгу и киевские Четьи Минеи³⁵ (под последними подразумевались Четьи Минеи Дмитрия Ростовского, изданные в типографии Киево-Печерской Лавры в 1689–1705 гг.). М. Б. Свердлов приводит этот факт как свидетельство того, «насколько свободно В. Н. Татищев владел уже в 1730 г. материалами

³³Краткий обзор см.: *Королев А. С.* Административно-финансовая реформа княгини Ольги в отечественной историографии. // Наука и школа. 2012. С. 162-167.

³⁴*Толочко А. П.* «История Российская Василия Татищева»... С. 22.

³⁵Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. С. 690.

обобщающих компиляций XVI–XVII вв.³⁶. А. В. Горовенко из этого письма делает вывод, что «к серьезной исследовательской работе с древнерусскими текстами он (Татищев) еще не готов»³⁷, – как иначе оценить то обстоятельство, что, имея уже на руках подлинную новгородскую летопись XV века, Татищев обращается к поздней житийной литературе, не говоря уже о Синописе? Но дело тут не одной только чисто технической неподготовленности: и на Минеи, и на Степенную книгу Татищев продолжал ссылаться даже при подготовке второй редакции своей «Истории Российской»³⁸, имея за плечами уже довольно солидный опыт работы с древнерусскими летописными текстами. Разумеется, во второй половине 40-х гг. названные сочинения уже не были для него единственными источниками по «истории великой княгини Ольги», однако же они успели сильно повлиять на его восприятие и оценку древнерусской правительницы.

Содержащееся в Степенной книге житие Ольги³⁹ сообщает о высокой миссионерской активности новообращенной княгини: ставши христианкой, она «дани и оброки легки уставлющи и кумиры сокрушающе и на кумернских местех кресты Христовы поставляюще»⁴⁰. Это резко контрастирует с данными Повести временных лет⁴¹ и Новгородской I летописи младшего извода⁴², где все проповеднические усилия княгини ограничиваются неудачной попыткой обращения собственного сына. Известия о ее деятельном миссионерстве имеются в древнерусском проложном житии, к которому, собственно, и восходит житие Степенной книги и в котором еще нет возведения крестов, но уже есть сокрушение

кумиров⁴³. Появляется там и крест с благочестивой надписью, подаренный Ольге патриархом и поставленный впоследствии в Софии Киевской⁴⁴. Усиление акцента на апостольской миссии по сравнению с начальными летописями можно объяснить необходимостью идеологического обоснования для канонизации княгини, осуществленной не ранее XIII столетия. Если в начальных летописях Ольга сравнивалась в первую очередь с царицей Савской, то в житийной акцент делался на аналогии с Еленой Равноапостольной, чье имя киевская княгиня приняла при крещении. В этой связи понятно принесение Ольгой креста, повторяющее главное деяние матери Константина. Возникновению легенды, быть может, способствовал реальный крест с надписью, стоявший в Софийской церкви в Киеве, который молва (либо ученая «реконструкция» книжника) связала с цареградской поездкой Ольги. В Степенной книге патриарх передает киевской княгине не только крест, но и книги, иконы и другие священные предметы⁴⁵. Автор Пролога по-новому прочел летописный рассказ о поездках Ольги, дополнив ее административно-хозяйственные распоряжения миссионерской деятельностью; но поскольку возложение дани выглядело сомнительным фоном для апостольской проповеди, Ольга в Прологе стала возлагать «легкие» дани – из контекста можно было понять так, что речь шла о налоговом послаблении. Степенная книга унаследовала известие о легких даях. Дополнительно в ней появилось искусно вплетенное повествование о проповедях Ольги, причем не только Святославу, но и другим людям⁴⁶. Автор Степенной книги даже приводит тексты Ольгиных проповедей⁴⁷. Наконец, Ольге в Степенной книге приписывалось и церковное строительство – основание псковского храма Святой Троицы. Примечательно, что церковь была поставлена

³⁶Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки. С. 456.

³⁷Горовенко А. В. Василий Татищев... С. 52.

³⁸Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 146; Т. 2. С. 272, 283, 284.

³⁹ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. С. 6-38.

⁴⁰Там же. С. 22.

⁴¹ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 63-64; ПСРЛ. Т. 2. С. 51-52.

⁴²ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 116.

⁴³Житие княгини Ольги // Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 422.

⁴⁴Там же.

⁴⁵ПСРЛ. Т. 21. С. 17.

⁴⁶Там же. С. 19.

⁴⁷Там же. С. 19, 20

на месте будущего Пскова, возникновение которого Ольга пророчески предсказала⁴⁸. Местом же ее рождения являлась Выбутская весь⁴⁹. Это была существенная новация по сравнению с летописным происхождением Ольги из Пскова («Плескова»)⁵⁰.

Отрицание псковского происхождения Ольги, ее апостольская деятельность и церковное строительство, ее связь (пока еще только посредством принесенного креста) с киевским Софийским собором, облегчение податного бремени – все эти домыслы (или, если угодно, «реконструкции») составителя Степенной книги, как было показано выше, нашли свое отражение и в татищевском нарративе.

В «Синописе Киевском» Иннокентия Гизеля⁵¹ также акцентируются миссионерские успехи Ольги (она «много россов ко Христу обрати»⁵²), церковное строительство представлено возведением храма Св. Николая на могиле Аскольда⁵³. В ее родословной произошли важные изменения: если в Степенной книге она еще «от языка Варяжская, от рода же не княжеская, ни вельможеска, но от простых людей»⁵⁴, то в «Синописе» она славянка и при том знатного рода – правнучка Гостомысла⁵⁵. Эту любопытную подробность Гизель позаимствовал из польской хроники XVI века М. Стрыйковского⁵⁶. В той же хронике сообщалось и об обращении Ольгой ко Христу множества русских («wiele Rusaków do Christusa nawróciła»)⁵⁷. Польские хроники оказали сильное влияние на позднее русское летописание, а через него – на всю отечественную историографию. Неудивительно, что и В. Н. Татищев высоко

ставил Стрыйковского, на которого в своей «Истории Российской...» неоднократно ссылался. (Впрочем, с «гостомысловой» родословной Ольги у Стрыйковского Татищев познакомился позже, впервые эту версию он увидел именно в Синописе⁵⁸). А вот упорный отказ Татищева видеть в Ольге псковитянку – это, безусловно, влияние Степенной книги и Минеи, поскольку у Стрыйковского она всё еще происходит из Пскова⁵⁹.

Дмитрий Ростовский в работе над минейным житием Ольги⁶⁰ использовал «Синопис» Гизеля, откуда он позаимствовал и ряд сведений, восходящих к Стрыйковскому; возможно, впрочем, что у Стрыйковского Дмитрий Ростовский черпал напрямую – «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» в его библиотеке имелась⁶¹. В пользу непосредственного заимствования свидетельствует приводимая в Минеи форма имени древлянского князя – Малдит или Низкия⁶², явно восходящая к Стрыйковскому⁶³ (в «Синописе» Мал назван только Низкиней⁶⁴). Минея повторяет вымысел польского хрониста о родстве Ольги с легендарным Гостомыслом, однако местом рождения ее указывает не Псков⁶⁵ (как у Стрыйковского), а Выбутскую весь (тут Дмитрий Ростовский следует за Степенной книгой). Из Степенной книги Дмитрий

⁵⁸А. В. Горovenko в своей монографии приводит фрагмент письма Татищева Шумахеру от 08.04.1734 г., из которого ясно, что в это время он еще не имел перевода хроники Стрыйковского и даже не знал, что она написана не по-латыни, а по-польски (Горovenko А. В. Василий Татищев... С. 58).

⁵⁹Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117.

⁶⁰Дмитрий Ростовский. Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. К., 1764.

⁶¹Федотова М. А. Житие княгини Ольги В Четъих Минеях Димитрия Ростовского // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сб. трудов междунар. науч. конф., Псков, Май 19-20, 2010. Псков, 2011. С. 378.

⁶²Дмитрий Ростовский. Жития святых. С. 314.

⁶³Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117. Имя «Низкия» Стрыйковский заимствовал у Яна Длугоша, скомбинировав с летописным вариантом имени – Мал. Уже в XX веке вымысел Длугоша соблазнил А. А. Шахматова на создание фантастической истории о Мистише Свенельдовиче.

⁶⁴Синопис. С. 55.

⁶⁵Дмитрий Ростовский. Жития святых. С. 313.

⁴⁸Там же. С. 22-23.

⁴⁹Там же. С. 6.

⁵⁰ПСРЛ. Т. 1. С. 29; ПСРЛ. Т. 2. С. 21; ПСРЛ. Т. 3. С. 107.

⁵¹Синопис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа... Москва, 1714.

⁵²Там же. С. 68.

⁵³Там же. С. 49, 68.

⁵⁴ПСРЛ. Т. 21. С. 6.

⁵⁵Синопис. С. 53.

⁵⁶Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Vol. I. Warszawa, 1846. S. 117.

⁵⁷Ibid. P. 120.

Ростовский почерпнул известия о построении Ольгой церкви св. Николая на могиле Аскольда и церкви Троицы на месте будущего Пскова⁶⁶, о сокрушении Ольгой кумиров и воздвижении крестов⁶⁷, об обращении ею в христианство многих людей⁶⁸, о дарении патриархом Ольге икон и других священных предметов, о хранившемся в Софии Киевской кресте, принесенном Ольгой из Константинополя⁶⁹.

Компилируя материал из разных источников, Дмитрий Ростовский творчески его перерабатывал, заботясь не только о полноте, но и красоте и логичной последовательности изложения⁷⁰. Если Стрыйковский и Гизель писали об обращении Ольгой ко Христу многих русских, то Дмитрий Ростовский указывает конкретно киевлян: живя в Киеве, Ольга, естественно, должна была обратить первые миссионерские усилия именно на жителей столицы. Прочитав известие об Ольгином кресте в соборе святой Софии, составитель Минеи задался вопросом, где же был этот крест до постройки собора Ярославом Мудрым. Поскольку имевшиеся у него источники ответа не давали, автору пришлось додумывать, что после смерти Ольги крест хранился «вѣрными, по ней оставшимися»⁷¹. Этот явный домысел вплетен в основную ткань повествования, его предположительный характер никак не оговаривается. Такого рода манера изложения, восходящая еще к позднелетописной традиции, была характерна и для Татищева, который тоже не оставил без внимания мнимую связь княгини Ольги с Софией Киевской.

Таким образом, целый ряд дополнений летописного рассказа об Ольге из ПВЛ и Начального свода, в том числе ее миссионерские усилия и ее родство с Гостомыслом, были даны Татищеву уже в готовом виде. Отрицание псковского происхождения Ольги проистекает из стремления житийно-минеинной традиции

превратить Ольгу из уроженки Пскова в его основательницу. Составитель «Синописиса», как лицо духовное, не мог не быть знаком с житием Ольги (из Степенной книги или из украинского варианта жития, список которого имелся в Киево-Печерской Лавре по крайней мере с 70-х гг. XVII века⁷²), в котором Ольга пророчески о возникновении Пскова и ставит церковь на его будущем месте; тем не менее, он, следуя Стрыйковскому, оставил местом ее рождения Псков. Примечательно, однако же, что в более поздних киевских изданиях «Синописиса» Псков всё-таки был заменен, как и в татищевской «Истории...», на Изборск⁷³. Видимо, Изборск подходил как наиболее известный (благодаря Трувору) город в Псковской земле, о котором упоминалось и в Степенной книге⁷⁴. Что же до известия Стрыйковского о Гостомысле – прадеде Ольги, то здесь исследователям приходилось апеллировать к фантомному устному преданию, будто бы услышанному Стрыйковским от какого-то псковича, жившего в Литве⁷⁵. Этот домысел выглядит правдоподобно, однако одного только правдоподобия тут недостаточно. Требуются, во-первых, записи легенды о Гостомысле и Ольге, во-вторых – свидетельства знакомства с этой легендой Стрыйковского. А поскольку ни тем ни другим исследователи не располагают, то экономнее предположить здесь фантазию самого автора хроники.

Нужно учитывать, что в изложении сведений о Гостомысле Стрыйковский

⁷²Перетц В. М. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы. XVI–XVII веков. М.-Л., 1962. С. 13.

⁷³См. напр., Гизель И. Киевский синописис. К., 1823. С. 21.

⁷⁴Упоминание в Степенной книге Изборска и Трувора в связи с рождением Ольги побудило составителя украинского жития княгини Ольги сделать Трувора ее предком (Перетц В. М. Исследования и материалы... С. 16, 67); увлеченный генеалогическими реконструкциями, составитель как будто не заметил, что превратил брак Игоря с Ольгой в близкородственный.

⁷⁵Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М., 1966. С. 256.

⁶⁶Там же. С. 317, 318.

⁶⁷Там же. С. 317-318.

⁶⁸Там же. С. 317.

⁶⁹Там же.

⁷⁰Федотова М. А. Житие княгини Ольги... С. 380.

⁷¹Там же. С. 317.

следовал за С. Герберштейном⁷⁶. Габсбургский посланник, представив в своих записках краткую выжимку из русских летописей, самовольно наградил старейшину Гостомысла княжеским титулом⁷⁷. Но никакой князь не существует в одиночестве, сам по себе, у него всегда есть родня, хотя бы дальняя. Куда исчезла «династия Гостомысла» после призвания Рюрика с братьями, и почему никто из потомков или родственников Гостомысла не попытался оспорить власть Рюрика и его наследников? Если Герберштейн этот вопрос проигнорировал, то Стрыйковский нашел объяснение в династическом браке (образцом для польского историка могла послужить женитьба Ягайло на Ядвиге в 1386 г.). Неспроста ведь в русских летописях особо подчеркивается, что Ольгу привел к Игорю Олег – очевидно, этот брак был актом государственной важности. Если Ольга была правнучкой Гостомысла, то ее брак с сыном Рюрика объединял старую династию с новой. Картина получалась настолько складная, что Стрыйковский не усомнился в ее истинности и внес в свой текст родословную Ольги как несомненный факт⁷⁸.

«Подтверждение» родословной Ольги Татищев обнаружил у другого автора, которого высоко ценил – Ф. И. фон Страленберга. Правда, шведский исследователь сделал Ольгу не правнучкой, а дочерью Гостомысла⁷⁹ и при этом ссылаясь на труд французского ботаника и лингвиста Клода Дюре «Сокровищница истории языков Вселенной». К сожалению, ссылка

⁷⁶Там же. С. 48. Стрыйковский исправно повторял за Герберштейном даже самые курьезные ошибки, например, превращение Добрыни в женщину.

⁷⁷*Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1571. P. 2.* Гостомысл у Герберштейна princeps, что в русских изданиях переводят то как «князь», то как «государь»; у Стрыйковского, однако же, Гостомысла избирают именно князем (*Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 112-113*). Да и в немецком прижизненном издании Герберштейна 1557 г. Гостомысл назван Fürst (*Herberstein Sigmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... Wien, 1557. S. 24*).

⁷⁸Л. Н. Гумилев назвал бы это эмпирическим обобщением, имеющим достоверность, равную наблюдаемому факту.

⁷⁹*Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. S. 95.*

Страленберга не совсем корректна: на указанной им странице хотя и упоминаются и Гостомысл (Goscomissel), и Ольга (Olpha), но об их родственных отношениях ничего не говорится⁸⁰. Скорее всего, Страленберга подвела память, и на самом деле он позаимствовал родство Ольги с Гостомыслом из того же Синописа, превратив по рассеянности Гостомысла из прадеда в отца Ольги.

Так или иначе, Татищев безоговорочно Страленбергу поверил и в своих замечаниях на его книгу уверенно «доказывал» славянство Ольги тем, что «отец ея Гостомысл был словянин»⁸¹. Уже тогда, в 1736 году, Татищев связывает славянство Ольги с появлением славянских имен в династии. По его мнению, это впоследствии привело к тому, что «с которого времени почитай весьма имена сармат пресекулись»⁸². Однако тут же возникло немаловажное затруднение. Для Герберштейна, Стрыйковского, Гизеля и Страленберга варяги были народом, родственным славянам. Татищев же знал, что это не так, ему было ясно и различие варяжских и славянских имен. Но как тогда могло получиться, что «славянка» Ольга носила варяжское имя? В 1736 г. Татищев еще не разгадал эту загадку и колебался между двумя решениями: «имя ея, видится, Ольха или может, для угождения супругу ея сарматское имя приала»⁸³. Татищев полагал, что «Ольха» звучит более «по-славянски», тем более что на Руси якобы была и речка Ольха – так Татищев, со ссылкой на Стрыйковского, именовал Альту⁸⁴. Право, такого рода гипотеза ничуть не хуже спекуляций академика Б. А. Рыбакова о связи имени Аскольда с речкой

⁸⁰*Duret C. Trésor de l'histoire des langues de cest univers, contenant les origines... Par Matth. Berjon, pour la Societé caldoriene, 1613. P. 846.*

⁸¹*Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018. С. 505.*

⁸²Там же. Под сарматами здесь подразумеваются варяги, т. е., по Татищеву, – финны. Другой раз о пресечении «сарматских» имен со времен Ольги Татищев повторяет там же. С. 508.

⁸³Там же.

⁸⁴Там же. С. 126.

Оскол⁸⁵, да и цель академик преследовал такую же – превратить однозначно норманнское имя в славянское.

Однако гипотеза об Ольге-Ольхе не показалась Татищеву убедительной, и впоследствии он к ней не возвращался. В 1739 г. в примечаниях к несохранившемуся «Собранию из древних русских летописцев»⁸⁶ Татищев повторяет версию славянского происхождения Ольги, никак не поясняя ее скандинавское имя. Отцовство Гостомысла Татищев теперь оспаривает, поскольку обнаружил в версии Страленберга хронологические неувязки: «Некоторые русские писатели говорят также, что Гостомysl оставил дочь; Страленберг, стр. 95, приводит из Дюре Истории о языке общем, стр. 864, что Игорь, сын Рюрика, сочетался браком с Ольгой, дочерью князя Гостомысла, который жил в Гордореке. Однако это не согласно с летосчислением, так как Гостомysl умер перед 862, а Игорь женился в 903. Отсюда следует, что Ольга, если бы она была дочерью Гостомысла, при бракосочетании имела уже 41 год от роду, а крестилась на 93-м году. Возможно, Ольга была внучкой Гостомысла от дочери или сына его. Того же мнения придерживается и Стрыйковский»⁸⁷. В последнем пункте Татищев ошибся, поскольку у Стрыйковского Ольга приходилась Гостомыслу правнучкой. Татищев создал своего рода «компромисс» между версией Страленберга (дочка) и Стрыйковского (правнучка). Как указывает М. Б. Свердлов, в определении происхождения Ольги Татищев следовал за Стрыйковским и «Синописом»⁸⁸.

Все эти соображения помещены Татищевым в примечаниях. Основной текст

⁸⁵Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М. 2014. С. 197.

⁸⁶Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века... С. 231; Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен... Т. 7. С. 37-40. По существу, это ранняя версия первой редакции «Истории Российской», завершенная к 1739 г.

⁸⁷Татищев В. Н. История Российская.... Т. 7. С. 101-102.

⁸⁸Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 83-84.

редакции 1739 года не сохранился, его содержание можно лишь частично представить на основе изданных по-немецки примечаний. Видимо, в основном тексте Татищев воспроизвел летописный рассказ о происхождении Ольги из Пскова, однако в примечании 41 счел нужным заметить: «Об Ольге здесь неправильно утверждается, что она уроженка Пскова, так как Псков тогда еще не существовал. В Минее в ее житии написано следующее: «Ольга родилась в Псковском пределе в веси Выбутовской, неподалеку от Пскова». Но такого города тогда еще не было, №68; о ее роде сказано, что она происходила из простых людей. Однако это совсем неправильно и напротив доказано, что она происходила из рода прежних славянских князей и была внучкой Гостомысла, о чем №№ 19 и 30»⁸⁹. Здесь хорошо видны историографические познания и навыки Татищева: он уверенно предпочитает поздние источники более ранним, а свои предположения, которые он сам несколько страницами ранее маркировал как «возможные», теперь презентует как «доказанные» (ср. с. 102: «Возможно Ольга была внучка Гостомысла» и с. 104: «доказано, что она происходила из рода прежних славянских князей и была внучкой Гостомысла»).

Возможность и доказанность для В. Н. Татищева взаимозаменяемы, и об этом нужно помнить тем историкам, кто рискует пользоваться татищевскими известиями в своих работах.

В редакции 1739 года Татищев возвращается к своей идее о значимости Ольги в смене имен со скандинавских на славянские. В примечании 56 читаем: «так как тогда правители были из варягов, т. е. шведского происхождения, то, следовательно, среди послов варяги тоже были в большинстве. Среди имен послов было еще много шведских, как Стер, или Стор, Свен, Шигоберн и пр.; такие имена у шведов еще до сих пор употребляются. Славянских имен, напротив, находим мало до тех пор, как блаженной памяти Ольга, которая сама была славянского

⁸⁹Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 104.

происхождения, не стала отдавать им предпочтения»⁹⁰. Впрочем, роль Ольги в торжестве славянского начала над варяжским для Татищева хотя и значительна, но не решающая, главными же факторами он считает принятие христианской веры и славянской письменности: «Важнейшим основанием, давшим предпочтение славянскому народу перед варягами руссами, могло быть то, что они приняли письмо, христианскую веру и учение через славянских болгар на славянском языке, вследствие чего этот язык и народ всё более и более возрастали, другие же угасали, и всё государство по длительном времени превратилось в славянское»⁹¹.

В другом примечании к редакции 1739 года Татищев впервые датирует рождение Игоря Рюриковича 875 годом, не указывая источник этой даты (в последующих редакциях им станет «Раскольниковый манускрипт»): Примечание 67: «Игорь, или Ингорь, родился в 875 году, в 903 году сочетался браком с Ольгой, а в 945 году был убит; из этого следует, что ему при бракосочетании было 28 лет, а при кончине 70 лет. Если же Ольге при бракосочетании было самое меньшее 16 лет, то в 58 лет она стала вдовой. Июльская Минея называет древлянского князя Молодит, Стрыйковский же – Молодит или Ниския; в Новгородской Степенной книге он называется Мал, сын Нискинин»⁹². Татищев опять допускает неточность, видимо, слишком понадеявшись на свою память: Минея Димитрия Ростовского называет древлянского князя двойным именем – Малдит и Низкия⁹³. Что же до «Новгородской степенной», то в ней (если, как показывает А. П. Толочко, под этим именем скрывается Чертковский список Владимирского летописца⁹⁴), древлянский князь назван просто Малом⁹⁵. При работе с

текстом истории Татищев атрибутировал известия по памяти и не стремился перепроверять свои ссылки – эту особенность его работы исследователям тоже нужно учитывать.

По-видимому, в основном тексте редакции 1739 года Татищев датировал «поход» Ольги в новгородско-псковские края по летописному нарративу – сразу после мести древлянам. В примечаниях он указал на версию Димитрия Ростовского, который полагал эту поездку уже после крещения⁹⁶ (ведь только будучи крещенной, Ольга могла в тех краях проповедовать, ставить кресты и церкви и проч.). Для Татищева «свидетельство» Минеи было важным как дополнительный аргумент против псковского происхождения Ольги. О месте и времени крещения Ольги Татищев сообщает в целом соответственно Минее, которая «говорит согласно с обстоятельствами». Попутно в примечаниях он отмечает хронологические нестыковки в свидетельствах Пролога, Степенной книги и проч. о крещении Ольги при Иоанне Цимисхии, однако воздерживается от окончательного решения⁹⁷.

В примечании 77 к редакции 1739 г. («собранию из древних русских летописцев») Татищев пробует вычислить даты жизни Ольги. Исходя из того, что замуж ее выдали в 16 лет, он получает, что умерла она на 82-м году жизни⁹⁸. Татищев, видимо, смутился явной «растянутостью» хронологии Начальной летописи; в последующих редакциях он сделает по этому поводу несколько любопытных предположений.

С чем Татищев сразу решительно отказался мириться – так это с невольничьим статусом матери Владимира Святого. В примечаниях 79 и 89 он настаивает на том, что Малуша была «родственница» или «свойственница» Ольги. В подтверждение Татищев ссылается, во-первых, на высокий

⁹⁰Там же. С. 110.

⁹¹Там же. С. 117.

⁹²Там же. С. 112.

⁹³Димитрий Ростовский. Жития Святых... С. 314.

⁹⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 68.

⁹⁵ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 20. В другой раз Татищев ошибочно приписывает «Новгородской Степенной» (Владимирскому летописцу) основание Пскова Ольгой (во Владимирском летописце ее

приводят уже из Пскова, см. ⁹⁵ ПСРЛ. Т. XXX. С. 17). Надо, впрочем, учитывать, что отождествление Новгородской Степенной с Владимирским летописцем – только предположение, хотя и весьма вероятное.

⁹⁶Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 112. Прим. 68.

⁹⁷Там же. С. 112-113. При. 70.

⁹⁸Там же. С. 114. Прим. 77.

социальный статус родственниц Малуши, во вторых – на Стрыйковского, у которого Малуша и Добрыня суть дочери (sic) Каплуши Мальца из Новгорода, причем Малуша была у Ольги «казначеей»⁹⁹. Увлеченный своей идеей, Татищев искажает цитируемый им источник: у Стрыйковского Малуша хотя и «придворная» (fraucimerze), но всё-таки «ключница» (klucznicza) Ольги¹⁰⁰, как и в начальной русской летописи¹⁰¹. В древнерусские времена слово «ключница» однозначно указывало на подневольное, холопское положение. И, разумеется, ни о каком сродстве Малуши с Ольгой ни в каких источниках нет ни намека – это известие целиком вымышлено Татищевым. Один вымысел неизбежно повлек за собой другой, уже чисто беллетристского свойства: «Что мать его (Святослава) Ольга была не довольна этим браком, не удивительно, так как Малуша была ее родственницей, воспитывалась под ее присмотром и без ее согласия вступила в брак, что Ольге по закону естественному, как матери и еще более как христианке, не могло понравиться»¹⁰².

Как не подивиться могуществу историка-демиурга! Из небытия, без малейшей опоры в источниках, на свет является родственница Ольги Малуша; из ниоткуда приходит откровение, что она воспитывалась под Ольгиным присмотром. Свыше нам дается знание о том, что брак Святослава и Малуши был совершен без согласия Ольги и что Ольга негодовала на это на правах не только матери (по закону естественному), но и как христианка. Как царь Мидас обращал вещи своим прикосновением в золото, так Татищев своим благосклонным вниманием превращал

скудные летописные известия в занимательные, но, увы, недостоверные рассказы.

В «Собрание из древних русских летописцев» 1739 года уже входило известие об отмене Ольгой «княжего». Это явствует из примечания 71: «Что здесь автор под словом княжое разумеет, неизвестно; может быть, это тот самый обычай, который был в Шотландии, что невест к господам приводили. Что значит куница, это до сего времени знает каждый: куничьи деньги берут господа с крестьянских свадеб, по желанию и усмотрению каждого»¹⁰³. Характерно, что Татищев не ссылается здесь пока еще на «Раскольничий манускрипт», хотя в «Предъизвещении» этот «летописец» уже заявлен, причем первым номером¹⁰⁴. Неясно, почему Татищев вспомнил именно шотландские обычаи (влияние Якова Брюса?). В последующих редакциях список стран с обычаем первой ночи будет расширен, но вот Шотландия по какой-то причине пропадет.

Первая редакция «Истории Российской» 1746 г., написанная стилизованным под «древнее наречие» слогом¹⁰⁵, отмену «княжего» дает под 964 годом, сразу за описанием первого похода Святослава на вятичей: «Тогда же отказа Ольга княжее, а положи имати от жениха по черне куне князеви или бояринови»¹⁰⁶. В примечании 93 к этому месту появляется ссылка на «источник»: Княже написано в одном Раскольничем, а в протчих ни в одном, мню, неведения ради пропущено. Что значит от свадьбы, неизвестно, разве не было ли обычая, о котором в Шотландии сказуют, что невест на разгнение ко князем приводили.

⁹⁹Там же. С. 115, 116-117.

¹⁰⁰Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 122. Под frauznymer (нем.) понималась совокупность всех служителей благородной особы женского пола – от фрейлин до слуг, прачек, поваров и шутов. «Казначеея» – это толкование Татищева, опирающееся на более позднее употребление слова «ключник» при московском царском дворе.

¹⁰¹ПСРЛ. Т. 1. С. 69. В Ипатьевской летописи Малуша «милостьница» Ольги (ПСРЛ Т. 2. С. 57) что опять-таки четко говорит о подневольном положении.

¹⁰²Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 115.

¹⁰³Там же. С. 113.

¹⁰⁴Там же. С. 68.

¹⁰⁵Уже в первой редакции Татищев не переписывает фрагменты летописных текстов, а творчески их интерпретирует, излагая свои догадки всё тем же слогом, который он считал «древним наречием». Так, святославово «иду на вы» он понял как призыв к переговорам и соответствующим образом представил в тексте: «И посылаше ко странам облежасчим и вражды творящим, глаголя: «Хощете ли умириться, слите ко мне, или хошу на вы ити» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 159).

¹⁰⁶Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 159.

Куницы же и дондесь известно, что везде в Руси кунишные деньги за свадьбы господы берут деньгами каждой по своему разсуждению»¹⁰⁷. Далее Татищев упоминает схожие случаи «в гисториях древних» – у финикийцев и ассирийцев.

В той же редакции ссылками на Раскольничий летописец подкрепляются даты рождения Игоря и Святослава. Характерно, что в обоих случаях Татищев считает нужным усилить датировку дополнительными соображениями. Рождение Игоря в основном тексте указано в 875 году¹⁰⁸, в примечании сказано, что известие «положено по Раскольничьему, в котором положено три года споредь. И я положил в последнем 875-м, взирая, что в приходе его в Киев 882-го написано, что его Олег, яко младенца, нес. В Нижегородском же его рождение положено в 861, и потому в Киеве был он 21-го году, что, мнится, сумнительно»¹⁰⁹. Рождение же Святослава в основном тексте (в «Летописи краткой великих государей русских...») указано под 942 годом, однако в примечании 107 говорится следующее: «О рождении Святослава в 920-м в одном токмо Раскольничем тако написано. В Нижегородском же 940-м, а в протчих выпущено, может, для того, что в походе его на древлян он детским, или дитяем, имянован, но по его действию видно, что был не дитя. Его ж и рождение не весьма рано, 14 лет после брака отцова, когда Ольга около 33 лет была. В договоре же с греками в 945-м написаны послы княгини Предславы, а оно не иначе мню, как жена Святославля, ибо он тогда был 25 лет»¹¹⁰. Татищева, как видно, смущала лакуна между браком Игоря и поздним (не ранее начала 40-х гг.) рождением Святослава; сдвиг даты хотя бы на два десятка лет делал этот зазор чуть менее зияющим, а идентификация Предславы как жены Святослава (на что не было ни намек в тексте договора) придавала татищевскому известию дополнительную убедительность¹¹¹.

¹⁰⁷ Там же. С. 534.

¹⁰⁸ Там же. С. 125, 140.

¹⁰⁹ Там же. С. 524.

¹¹⁰ Там же. С. 536-537.

¹¹¹ Еще одним аргументом Татищев посчитал то, что Святослав оставил после себя взрослых сыновей

Один домысел порождал другой, и Татищев отыскивал в том же договоре целых двух братьев Святославу – Володислава и Улеба¹¹². Теперь брачная жизнь Игоря и Ольги выглядела достаточно насыщенной.

Замечание Татищева о том, что в битве с древлянами Святослав не выглядел малолетним, кажется странным. В основном тексте 1-й редакции он приводит это место в целом верно: «и суну (броси) копием Святослав на древляны, и копые лете сквозе уши коневи, и удари в ногу коневи, Святослав бо бе детск»¹¹³. Не отступает он от летописного нарратива и в сообщении о приводе Ольги «от Плескова»¹¹⁴, все соображения на этот счет вынесены в примечание 58¹¹⁵. В этом примечании происхождение Ольги от Гостомысла уверенно подается как нечто доказанное. Как «внучка Гостомысла» Ольга указана и в «Летописи краткой великих государей русских...»¹¹⁶. Норманское имя у славянской княжны по-прежнему требовало объяснений, и Татищев по мере сил старается его дать: «Что же имя ей не словенское, но варяжское дано, оно, видно, для изъявления благодарности князю Ольгу ей переменено»¹¹⁷. Рассказ о гневе Ольги на Малушу и о ссылке в Будутино дан в основном тексте, о предполагаемом родстве Машуши с Ольгой дано в примечаниях, один

(там же); аргумент, конечно, спорный, учитывая, что возраст сыновей Святослава на момент его гибели в ПВЛ не указан, а их пассивность (за них всё решают Свенельд, Добрыня и Блуд) скорее говорит об их малолетстве. Более надежный аргумент Татищев обнаружил, когда ознакомился с трактатом Константина Багрянородного «Об управлении империей», где упоминалось о княжении Святослава Игоревича в Новгороде (Татищев В. Н. История Российская. Том 1. С. 267).

¹¹² Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 537. Насчет Володислава Татищев, видимо, не был до конца уверен, в «Летописи краткой великих государей русских» указан только Улеб-Глеб (Там же. С. 125). Чтобы еще раз подтвердить свою версию рождения Святослава в 920 г, Татищев приурочивает рождение у него Владимира к новгородско-псковской поездке Ольги (Там же. С. 534), не давая при этом никаких ссылок.

¹¹³ Там же. С. 156.

¹¹⁴ Там же. С. 143.

¹¹⁵ Там же. С. 527.

¹¹⁶ Там же. С. 125.

¹¹⁷ Там же. С. 527.

раз – утвердительно («она ей свойственница была и в ея призрении воспитана») ¹¹⁸, другой раз – предположительно («может быть, свойственница Ольги была») ¹¹⁹. В том же месте Татищев, полемизируя с Рогнедой, пишет, что «чин ключницы при дворе был великой».

Но не всегда соображения и предположения четко отделяются Татищевым от основного, стилизованного под летопись текста. О деятельности Ольги после крещения сказано так: «Ольга же, пришед в Киев, живяще с сыном своим и учаще его и народ крестится» ¹²⁰. В ПВЛ Ольга уговаривала креститься одного Святослава, да и то неудачно. Это известие не является исключительно татищевским – как было показано выше, миссионерство Ольги появилось уже в житийно-минейной традиции, а также в хронике Стрыйковского, откуда перешло в «Синописис» Гизеля; попало оно и в поздние летописи, испытавшие польское влияние – Мазуринский летописец, Густынскую летопись ¹²¹. Другой пример «отсебятины» – уже чисто татищевский: «Прислал царь Константин послы свои к Ольге и сыну ея Святославу, рекий: "Ты ми еси прирекла вои многи; ныне имам потребу, прошу, шли ми". Ольга же рече: "Елико аз у тебя стоях в Скуди (мню, Скутар), тако ты, пришед, постой зде в Почане и аз ти сугубо воздам". Сие того дея рече, иж Святослав не любяще греки. И тако Ольга одарив послы, отпусти их с честью многою» ¹²². Если гадательный характер своей версии о «Скуди» Татищев обозначил (не зная, что Судом в летописи именовалась константинопольская гавань, он принял ее за пригород Скутари), то домысел о нелюбви Святослава к грекам просто вплетен в летописный рассказ, даже с попыткой стилизации. Вставка выглядит здесь

¹¹⁸Там же. С. 536.

¹¹⁹Там же. С. 537.

¹²⁰Татищев В. Н. История Российская...Т. 4. С. 158.

¹²¹Мазуринский летописец: «возратившись от крещения от Константинаполя в Киев, многих в Росии крестила» (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 39); Густынская летопись: «и увѣщеваше на се и сына своего Святослава и бояръ» (ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 34).

¹²²Татищев В. Н. История Российская...Т. 4. С. 158.

совершенно лишней, поскольку для объяснения отказа Ольги вполне достаточно ее обиды на холодный прием греками; ксенофобия Святослава нужна разве что для того, чтобы лишней раз подчеркнуть, что к моменту смерти Игоря он не был «вЪльми дЪтескъ», поскольку в таком случае он не мог бы играть самостоятельной политической роли всего десять лет спустя. Характерно, что Татищев не просто «дополнил», а исказил летописный рассказ, в котором император просит у Ольги не только воинов, но и воск, рабов и меха ¹²³. В летописи ничего не сказано о дарах Ольги послам; Татищев же заставляет Ольгу одарить послов и отпустить их с честью, в пику собственному сыну.

Татищевские соображения о роли Ольги в возвышении славянского языка, которые в редакции 1739 года читались в примечаниях, в первой редакции вынесены в основной текст – в «Предъизвещение»: «Сих (варяжских) князей пришествием видимо, что народ славенской толико уничижен был, что мало где в знатности славян находилось, но всюду в знатности имяна варяжские упоминаются... блаженная Ольга, сама бывши от роду славян, язык в большее употребление и народ славенской в действо произвела, как уже то при ней всюду не токмо в начальниках и управителях, но детей и внучат имяна словенские показались, а при Владимире уже варяги мало и видимы стали» ¹²⁴. Картина по сравнению с редакцией 1739 стала куда более драматичной: дело уже не в преобладании славянских или варяжских имен, речь идет об униженном положении славян после прихода Рюрика, о преобладании варягов в элите древнерусского общества; соответственно, Ольга не просто дает детям и внукам славянские имена – она возвращает славян в число начальников и управителей. Борьбу варяг со славянами Татищев усматривает и в противостоянии сыновей Святослава, причем «варяголюбом» у него оказывается Ярополк: «И как Ярополк I, сын Святославль, более к варягом, яко и отец его, склонности имел, того ради, видится, Владимира славяне в Новегороде на

¹²³ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 32.

¹²⁴Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 99.

брата поострили и того престола и жизни лишили...»¹²⁵.

Таким образом, уже в первой редакции «Истории Российской» образ «татищевской» княгини Ольги вполне сложился. Ряд татищевских реконструкций, такие как миссионерская деятельность княгини, отмена права первой ночи, оттеснение варягов и усиление славянского влияния, даны в основном тексте как несомненные факты, частично вплетены в летописный текст или аутентизированы ссылками на древний манускрипт. Правда, ключевые для татищевской схемы пункты о происхождении от Гостомысла и о смене Ольгой имени пока еще остаются в примечаниях и обозначены как гипотетические. Достоинно внимания, что Татищев не решается подтверждать гостомыслову родословную ссылкой на Гизеля и даже на Стрыйковского – это очевидный прогресс в его источниковедческих навыках. Для аутентизации гипотезы Татищеву требуется более надежный источник, который вскоре и будет обретен. Впрочем, и без всякого источника Татищев был настолько уверен в истинности своей реконструкции, что уже не осознает ее гадательного характера и помещает в качестве исторического примера в «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ»: «И как колена словенских князей Гостомыслом пресекалось, взяли к себе князя Рюрика от варяг, или финнов, немало их языки употребляли, как то в древних наших летописях таких речений находим, что и разуметь не можем. Но блаженная Ольга, бывшая от рода князей славянских, приняв владение, паки славянский язык нечто возобновила»¹²⁶.

В «Сокращении истории Российской»¹²⁷, несмотря на ее тезисный,

¹²⁵Там же.

¹²⁶Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1976. С. 96.

¹²⁷С. Л. Пештич датировал рукопись «Сокращения истории русской» временем между составлением 1-й редакции «Истории Российской» и началом работы над 2-й (Пештич С. Л. Русская историография... С. 268). В. С. Астраханский считал «Сокращение...» наиболее ранней из всех редакций «Истории...» и относил время ее составления к 1727–1729 гг. (Астраханский В. С. «История Российская» В. Н. Татищева: Опыт текстологических,

конспективный характер, представлены некоторые татищевские домыслы о княгине Ольге. То, что прежде подавалось в примечаниях и в виде предположений, теперь идет в основном тексте как сами собой разумеющиеся факты. Ольга безапелляционно названа внучкой Гостомысла, при этом ей дан титул изборской княжны (это первое появление Изборска как родины Ольги в татищевских текстах; видимо, «пропиской» в престольном городе, где княжил брат Рюрика, Татищев старался утвердить знатное происхождение Ольги, в противовес Степенной книге с «подлой» Ольгой-перевозчицей из какого-то села); ей приписано основание Пскова (это основано на житийной традиции); рождение Игоря показано в 875 году; Малуша опять названа свойственницей Ольги; первой женой Святослава указана какая-то «болгарыня» – это, судя по всему, дальнейшее развитие темы Предславы. Наиболее интересно известие о том, что Ольга пыталась обратить Святослава, «но дикий и свирепый его нрав или паче совет других в том воспрепятствовал»¹²⁸. Источник любопытных сведений о психологии Святослава не указан, но нетрудно увидеть, что Татищев опирается на летописный нарратив, очень вольно его пересказывая («совет других» – это приведенные в летописи опасения Святослава, что после крещения дружина будет над ним смеяться).

По какой-то непонятной причине С. Л. Пештич полагал, что в «Сокращении» татищевских известий нет или их совсем мало¹²⁹. В реальности, как видим, конспективный текст «Сокращения» густо насыщен татищевскими добавлениями, так

историографических и библиографических изысканий. М., 1993. С. 6-35). Однако он не проверил важного соображения, высказанного еще первым публикатором этой рукописи, Е. М. Добрушкиным: название «Сокращение истории» (а не «сокращенная история») говорит о том, что этой рукописи уже предшествовал некий текст (Добрушкин Е. М. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории // Советские архивы, № 5, 1971. С. 87-95), так что «Сокращение» не может быть самой ранней редакцией татищевского труда.

¹²⁸Добрушкин Е. М. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева... Л. 2об.

¹²⁹Пештич С. Л. Русская историография... С. 268.

что отделить факт от домысла в нем можно, лишь прилагая немалые усилия. Кажется, Татищев был неспособен излагать материал, не добавляя попутно свои соображения и реконструкции. Вполне справедливым представляется замечание А. П. Толочко: «любая работа Татищева над рукописью имела результатом внесение в нее "татищевских известий"»¹³⁰.

Создание второй редакции было ознаменовано обретением Татищевым при таинственных обстоятельствах «Истории Иоакима епископа новгородского»¹³¹. Этот источник, никогда не видимый никем, кроме самого Татищева, и изложенный в 4-й главе 1 части второй редакции, содержал сведения, чудесным образом подтверждающие многие татищевские догадки, высказываемые им в предыдущих редакциях. Среди прочего, в «Истории Иоакима» Ольга была «от Изборска, рода Гостомыслова». Мало того, таинственные «тетради» Мелхисидека Борщова разъясняли загадку норманнского имени «славянской» княжны: «иже Прекраса нарицаешся, а Олег переименова ю и нарече во свое имя Ольга». Упоминался в «Истории Иоакима» и брат Святослава Глеб, которого Святослав убил «разными муками томя» за исповедание христианства. «Свирепый нрав» и нелюбовь Святослава к грекам в «Истории Иоакима» синтезировались в неприязнь киевского князя к христианству, легко объясняемую упорной войной с греками; сообщалось даже о об убийстве многих христиан «от вельмож»¹³². Помимо подтверждения старых известий, «История Иоакима» сообщала и новые любопытные подробности, например, о причинах крещения Ольги в Царьграде (она была «научена» от киевских христиан, но не могла

принять новую веру в Киеве «народа ради»), о строительстве Ольгой деревянной церкви Святой Софии, иконы для которой прислал патриарх, о намерении Святослава сжечь церковь и погубить христиан¹³³. В примечаниях к «Истории Иоакима» Татищев внес еще несколько соображений: о трех дочерях Гостомысла, старшая из которых была замужем «за изборским» (видимо, князем) и от которой родилась Ольга, а вторая была матерью Рюрика¹³⁴; о том, что Вадим, возможно, был сыном старшей Гостомысловны (то есть Ольга становилась сестрой легендарного Вадима, получающего, впервые в историографии, княжеский титул)¹³⁵; о разорении Святославом церкви Святого Николая, поставленной при Аскольде¹³⁶; о том, что при Ольге «многие крестились» и что «Ольга, как владетельная, могла многих верных ей вельмож склонить, особливо бывшие с нею в Цареграде»¹³⁷. Также Татищев объяснял, почему «настоящее» славянское имя Ольги потерялось в источниках: «В Прологе ж славенское ея имя Прекраса превратил в прилагательное прекрасная, которую Ольг от любви преименовал ее свое имя Ольга, а при крещении Елена...»¹³⁸.

Соображения Татищева о семейной жизни Ольги также нашли подтверждение у «Иоакима»: как и предполагалось, Святослав был не единственным сыном Игоря, имелся еще брат Глеб или Улеб. Упоминание о Глебе в «Истории Иоакима» позволило Татищеву вычеркнуть было из примечаний свои гадательные соображения о братьях Святослава¹³⁹ – брат Глеб из догадки становился фактом, а Володиславом Татищев по каким-то своим соображениям решил пожертвовать. Впрочем, другие братья Святослава всё-таки были оставлены в качестве предположения в примечаниях¹⁴⁰. Однако ни Володиславу, ни прочим виртуальным братьям не досталось места в

¹³⁰Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 45. Разрядка А. П. Толочко.

¹³¹Нигде у Татищева эта «История...» не названа летописью, что и не удивительно: представленный Татищевым в 4-й главе 1-й части второй редакции текст никаких летописных черт не содержит (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85). Упорство, с каким многие историки до сих пор говорят об «Иоакимовской летописи», даже имитируя для нее аббревиатуру по образцу летописей настоящих («ИЛ» или «НИЛ»), не может не вызывать удивления.

¹³²Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

¹³³Там же.

¹³⁴Там же. С. 143.

¹³⁵Там же.

¹³⁶Там же. С. 146.

¹³⁷Там же.

¹³⁸Там же.

¹³⁹Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 406.

¹⁴⁰Там же. С. 277.

драматическом противостоянии христианства и язычества, где Глеб представлял христианского мученика, а Святослав – гонителя новой веры. Семейные дела самого Святослава тоже не остались без внимания «Иоакима» – Малуша была объявлена его второй супругой, в полном соответствии с разъяснениями Татищева о том, что Малуша не была холопкой и что ее брак со Святославом, хотя и вызвал неудовольствие Ольги, «действителен был». Заодно новообращенный источник Татищева сделал многоженцами всех дохристианских русских правителей, кроме Олега – обладание несколькими женами было приписано и Рюрику, и Игорю; впрочем, у каждого из них была особо любимая супруга: у Рюрика – Ефанда, у Игоря – Ольга.

Несмотря на то, что Татищев вынес «Историю Иоакима» в отдельную главу и демонстративно отказался «сие в Несторову летопись дополнить», т. е. внести «иоакимовские» известия в основной текст своего сочинения, все читатели «Истории Российской» воспринимали «Историю Иоакима» как неотъемлемую и полноправную часть татищевского нарратива. Показателен пример Екатерины II, в «Записках...» которой нашлось место и для Вандала с Гардориком и Гунигаром, и для Избора со Столпосвятом, и, разумеется, для гостомыслово-изборской родословной княгини Ольги¹⁴¹. Да и сам Татищев во второй редакции своего труда ссылался на «Историю Иоакима» как на полноценный и авторитетный источник не менее 55 раз¹⁴².

¹⁴¹Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Часть I. – Санкт-Петербург: Имп. тип., 1787. С. 6, 8. М. Б. Свердлов справедливо определил имена наподобие Столпосвята как продукт «дикой этимологии» (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 81).

¹⁴²Татищев В. Н. История Российская...Т. 1. С. 117, 128, 131, 149, 151, 163, 169, 181, 267, 292, 297, 324, 327, 364, 371, 372, 376, 381, 383, 384, 405, 406, 408, 409, 410, 415, 416, 452, 453, 484, 487, 495, 497, 498, 517; Т. 2. С. 253, 260, 262, 263, 266, 277, 278, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 297, 298, 309, 339. Ни в одной из ссылок Татищев не выражает ни малейшего сомнения в аутентичности и достоверности «Истории Иоакима», делая исключение лишь для заведомо легендарных «баснословных» сведений, вроде известия о Скифе, брате Словена, – по его мнению, последующие сведения об этом персонаже

Так что нарочитые сомнения Татищева в подлинности «Истории Иоакима» с указаниями на новый слог, на разночтения с другими летописями, на вымышленность монаха Вениамина и проч. выглядят не очень убедительно (хотя и ввели в заблуждение даже академика М. Н. Тихомирова, принявшего их за проявление научной добросовестности Татищева¹⁴³). Скорее прав А. П. Толочко, расценивающий эти «сомнения» как уловку для более убедительной аутентизации вымысла¹⁴⁴.

Сага об обретении «Истории Иоакима» слишком напоминает стандартную схему «открытия» фальсификатов – получение уникального документа, переложение его на современный язык и утрата подлинника – чтобы не вызывать подозрений. Псевдославянские имена Прекрасы, Умилы и совсем уже несуразные Угоняй, Соловей и Воробей с головой выдают сочинителя XVIII столетия¹⁴⁵. Соответствие содержания «Истории Иоакима» предположениям и ожиданиям Татищева слишком уже полно, чтобы поверить в возможность подобного рода случайности. Невозможность доказать фальсификацию палеографически, текстологически или лингвистически (оригинальная рукопись потеряна, текст переделан, сопоставления с реальными летописями отменяются ссылкой на уникальность материала) в прежние времена могла быть принята за свидетельство подлинности документа, но на современном уровне научной методологии это порождает дополнительные подозрения в мистификации. Впрочем, излагать все метки, выдающие в «Истории Иоакима»

восходят именно к Иоакиму, но лишены достоверности (Т. 1. С. 169). На с. 163 1-го тома Иоаким поставлен в один ряд с Нестором как древний и правдивый летописец, а на с. 364 охарактеризован как «старейший русский историк».

¹⁴³Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 61.

¹⁴⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 296-297.

¹⁴⁵Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 84, 89.

татищевскую «шутку»¹⁴⁶, вряд ли целесообразно: во-первых, они давно и хорошо известны, во-вторых, они всё равно не переселят обаяния легенды о найденной и вновь утерянной древней рукописи с уникальными известиями и высокохудожественными рассказами¹⁴⁷.

Для темы данной статьи существенно то обстоятельство, что даже наиболее убежденные защитники подлинности Иоакимовской «Истории» не решаются настаивать на достоверности ее известий о родстве Ольги с Гостомыслом или о переименовании Прекрасы в Ольгу. Между тем то упорство, с каким Татищев проводил эти идеи, начиная с самых ранних этапов своей работы над «Историей Российской», весьма показательны. Обретение «Истории Иоакима» подтверждало авторитетом древнего аутентичного источника не только догадки и реконструкции Татищева, но и те поздние источники, которыми он пользовался в начале своего творческого пути. Неспроста и в начале, и в конце главы об «Истории Иоакима» упоминаются «польские истории», «которые, как Стрыйковский говорит, из

русских сочинили»¹⁴⁸. Польские источники, в которых будто бы отразились не дошедшие до нас русские летописи, воодушевляли даже А. А. Шахматова. Неудивительно, что и Татищеву известия Стрыйковского об Ольге казались многообещающими, тем более что идеально ложились в его схему преемственности Рюрика туземной Гостомысловой династии.

И потому так настойчиво Татищев в примечаниях к «Истории Иоакима» утверждает, будто Стрыйковский был знаком с этим источником¹⁴⁹. Речь в данном случае идет об имени древлянского князя, столь неудачно сватавшегося к Ольге. В «Истории Иоакима» Татищев именует его «Мал, сын Нискини»¹⁵⁰ и утверждает, будто бы и Стрыйковский дает то же имя. На самом деле Татищев то ли по ошибке, то ли сознательно выдает желаемое за действительное: у Стрыйковского древлянский князь называется Малдит или Нискиня¹⁵¹, о чем сам же Татищев писал в комментариях к первой редакции¹⁵². В увлеченности Татищев приписывал свои домыслы и Нестору: в тех же примечаниях к «Иоакиму», касаясь вопроса о происхождении Ольги, он пишет: «В Прологе майя 11 неистовая ошибка, что крестьянкою и на реке перевозчицею сказано, что и Нестор противоречит, говоря: Олег же приведе Игорю жену от Изборска. Следственно, Олег избрал, а не Игорь собою женился»¹⁵³. Действительно, Олег избрал, однако жену он Игорю привел от Плескова –

¹⁴⁶Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга 1. Т. 1. С. XV. Единственным сильным аргументом в пользу того, что автором «Истории Иоакима» мог быть не Татищев, а его неизвестный современник, является имя Боривой, явно восходящее к хронике Козьмы Пражского, с которой Татищев не был знаком (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 82). Однако, как указал А. Лавров, «король Боривой» фигурировал в знакомой Татищеву «Книге историографии» Мавро Орбино (Lavrov A. Vasilij Tatišev, "Mabillon russe" ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750) // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013. P. 77–88). Так или иначе, «История Иоакима» была придумана не раньше XVIII столетия, и при этом ее текст содержит характерные «татищевские» ошибки – например, имя Ефанды, назначенной в супруги Рюрику (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85).

¹⁴⁷О том, что археологические данные о пожаре в Новгороде в 989 году ни в малейшей степени не подтверждают подлинность «Истории Иоакима», см.: Горovenko A. B. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. Т. 4. № 5. 2018. С. 1–16.

¹⁴⁸Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 132, 141.

¹⁴⁹Там же. С. 146. В главе о древнем славянском письме Татищев выражает уверенность, что «История Иоакима» «у польских была» (Там же. С. 117). В другом примечании Татищев приписывает знакомство с «Иоакимом» автору жития Ольги, обвиняя его, однако же, в том, что он известия «Иоакима» исказил (Там же. С. 145). С помощью «Истории Иоакима» Татищев придает тень аутентичности даже истории о Словене с Русом и основании «града Славенска» за 2,5 тыс. лет до н. э. – ее автор «сказание Иоакимово за основание имел, да, не разумея, хотел пополнить и темность онаго изъяснить, токмо ума столько не было» (Там же. С. 410).

¹⁵⁰Там же. С. 137.

¹⁵¹Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117.

¹⁵²Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 133.

¹⁵³Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 146, разрядка моя – Л. А.

Изборск появился лишь у Татищева. Сочинив некую версию событий, Татищев начисто забыл факт вымысла – эту его особенность нужно учитывать тем, кому кажется кощунством сомневаться в татищевской честности.

Даже при ссылках на «Иоакима» Татищев допускает неточность, которая весьма показательна. Утверждая, что Ольга крестила многих своих соотечественников, Татищев ссылается на «сказание» Иоакима¹⁵⁴. Но нигде в «Истории Иоакима» о крещении Ольгой «многих» не говорится¹⁵⁵. О том, что «многие крестились», Татищев пишет не в основном тексте, а в примечаниях к «Истории Иоакима»¹⁵⁶. Схожее сообщение – «многих русских ко Христу обратила» – есть у Стрыйковского и опиравшегося на него Гизеля, откуда, конечно, Татищев это и позаимствовал. Это лишний раз подчеркивает, сколь чрезмерно порой надеялся Татищев на свою память, пренебрегая сверкой своих ссылок. Но еще важнее то, что Татищев, как явствует из этого примера, не отличал гипотетический «источник» от своего комментария. Это могло бы послужить дополнительным доказательством того, что «История Иоакима» существовала лишь как один из татищевских домыслов, если бы и в отношении других, достоверных источников Татищев не допускал точно такую же небрежность. Например, он приписывает Нестору известие о разорении Святославом якобы построенной Ольгой в Киеве церкви Св. Софии¹⁵⁷; ссылки Татищев, впрочем, не дал, да и не мог дать, поскольку сведений о Софийской церкви при Ольге и Святославе у «Нестора» нет и никогда не было – это чисто «иоакимовское» известие.

Ссылкой на «Иоакима» Татищев подтверждал показания другого своего сомнительного источника – «Симонова манускрипта». Речь идет о следующем известии: «Ольга, будучи в язычестве, многими добродетелями сиала и, видя христиан многих, в Киеве добродетельно

живших и всякому воздержанию и благонравию поусчающих, вельми их похваляла и, часто с ними разсуждая чрез долгое время, закон христианский по благодати святого духа так в сердца своем вкоренила, что хотела в Киеве креститься, но учинить было ей того без крайнего страха от народа никак невозможно. Того ради советовали ей ехать в Царьград, якобы для других нужд, и тамо креститься, что она за полезно приняв, ожидала удобного случая и времени»¹⁵⁸. В примечании к этому известию Татищев пишет: «Сие обстоятельное сказание причины крещению Ольги во всех манускриптах не изъяснено; но я точно взял из манускрипта Симона, бывшего у Волынского, чему Иоаким согласует, гл. 4»¹⁵⁹. Еще А. А. Шахматов приводил это известие как пример редакторской работы Татищева, призванной «объяснить ход событий»; С. Л. Пештич заметил в этой связи, что это известие записано Татищевым на специально приклеенном листке¹⁶⁰. То есть эта правка внесена в Воронцовский список в последний момент, уже после появления «Истории Иоакима», и отсутствовала в первоначальном варианте рукописи 2-й редакции.

Таким образом, известие о причинах крещения княгини Ольги несомненно является рационалистическим домыслом Татищева, причем достаточно наивным. Не так уж трудно догадаться, что о христианстве Ольга могла узнать от живших в Киеве христиан. Н. М. Карамзин тоже выдвигал это предположение¹⁶¹, но он оговаривал его гадательный характер и уж тем более не подкреплял ссылкой на сомнительные источники. Как указывал С. Л. Пештич, сообщения Татищева о Симоновом манускрипте противоречивы и недостоверны: в 1-й редакции Татищев говорит только о летописце Симоне, во 2-й появляется манускрипт Симона, якобы списанный Татищевым у Волынского, в рукописи

¹⁵⁸Там же. С. 54.

¹⁵⁹Там же. С. 284.

¹⁶⁰Пештич С. Л. Русская историография... С. 243; Татищев В. Н. История Российская...Т. 2. С. 54, 357, вар. 45-45.

¹⁶¹Карамзин Н. М. История Государства Российского...Т. 1. С. 101.

¹⁵⁴Там же. С. 131.

¹⁵⁵Там же. С. 137.

¹⁵⁶Там же. С. 146.

¹⁵⁷Там же. История Российская. Т. 2. С. 287.

Института истории есть зачеркнутое примечание, согласно которому симоновские известия были внесены в Никоновскую летопись («Ни о каком манускрипте Симона нет и речи», – многозначительно замечает по этому поводу С. Л. Пештич)¹⁶². В одной из ссылок на «Симонов манускрипт», даваемых Татищевым, говорится о поединке Владимира Мономаха с «генуэзским генералом», так что даже благожелательно настроенный к Татищеву академик М. Н. Тихомиров был вынужден заметить: «Видимо, Татищев переоценил древность этой рукописи»¹⁶³.

Но скорее всего, никакой рукописи и не было. А. П. Толочко убедительно продемонстрировал, что концепция «Симонова манускрипта» произошла из представлений Татищева об истории русского летописания. Узнав о епископе Симоне из Киево-Печерского Патерика, Татищев посчитал его продолжателем летописной традиции, идущей от Нестора (Иоаким был добавлен впоследствии) к Сильвестру, далее – Нифонту Новгородскому, якобы певшему в церкви с Игорем Ольговичем, и, наконец, к Симону Суздальскому. Выстроив эту схему у себя в голове, Татищев при работе над 2-й редакцией отыскивал следы конкретного летописца в самых разных сводах, создавая своего рода «виртуальную» летопись, на следующем этапе закономерно воплотившуюся в конкретный манускрипт – Симонов (также именуемый летописцем Волынского). А. П. Толочко поэтапно представляет разработку Татищевым образа Симона-летописца от одной редакции к другой, показывая, как конкретизировались и обрастали подробностями татищевские идеи о «Симоновом манускрипте» и как Татищев наконец якобы обнаружил и списал этот манускрипт в библиотеке Волынского. К несчастью Татищева, библиотека Волынского

сохранилась, при этом никакого Симонова летописца в ней обнаружено не было¹⁶⁴.

Не был найден или идентифицирован и другой татищевский источник – Раскольничий летописец. Приписываемое этому источнику известие об отмене Ольгой «княжего» было повторено Татищевым во 2-й редакции с небольшими изменениями: «Тогда же отрещи Ольга княжее, а уложила брать от жениха по черне куне как князю, так и боярину от его подданного»¹⁶⁵. В примечании к этому известию повторялись ссылка на Раскольничий манускрипт и предположение о праве первой ночи. Список исторических и этнографических параллелей этого обычая был дополнен ссылкой на Геродота, но упоминание о Шотландии по каким-то причинам было опущено¹⁶⁶. Впоследствии И. Ф. Г. Эверс посчитал это сообщение достоверным, ссылаясь, в первую очередь, на «явно старинный язык», которым якобы написано это сообщение (при том, что Эверс имел дело с печатной миллеровской 2-й редакцией, даже не пытавшейся имитировать «старинный язык»), а также на то, что обычай первой ночи должен был быть оскорбителен для женских и христианских чувств княгини Ольги. Эверса впечатляла даже «нерешительность, с которой сам Татищев объясняет это место» – в этом было усмотрено дополнительное свидетельство татищевской научной добросовестности. В общем, Эверс не видел «достаточных оснований» для обвинения Татищева в подлоге¹⁶⁷. Более чем через сто лет это рассуждение повторил академик М. Н. Тихомиров: «Нет никаких оснований предполагать, что Татищев по неизвестной причине выдумал это известие»¹⁶⁸. С. М. Соловьев тоже отнесся к этому сообщению с доверием¹⁶⁹.

¹⁶²Пештич С. Л. Русская историография... С. 245-246. Зачеркнутое Татищевым примечание предназначалось для 1-й редакции (Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 604) и было выброшено при подготовке 2-й редакции, скорее всего потому, что подрывало собственные сведения Татищева о составе Раскольничьей летописи (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 150).

¹⁶³Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 54.

¹⁶⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 87-89, 171-177.

¹⁶⁵Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 57.

¹⁶⁶Татищев В. Н. Там же. С. 285-286.

¹⁶⁷Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 80, 84.

¹⁶⁸Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 58.

¹⁶⁹Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1988. С. 301-302.

В противоположность Эверсу К. А. Неволин сомневался в достоверности этого известия, задаваясь двумя простыми вопросами – насколько достоверен «Раскольничий список» и насколько корректно толкование Татищева? Неволин указывал на отсутствие данных о праве первой ночи в средневековой России. Он даже выражал сомнение в том, что в приводимом Татищевым отрывке речь идет именно о свадебных пошлинах, поскольку куницей на Руси назывались и другие виды пошлин¹⁷⁰. Последнее замечание верно, но не стоит забывать, что «Раскольничий список» предписывает брать куницу с жениха, что однозначно указывает на связь с брачными пошлинами. А вот сомнение в достоверности самого Раскольничьего списка вполне обосновано.

Татищев описывал этот манускрипт как пергаментный, древнего письма (переделанного при переписке на современное), доходящий до 1197 г.; в нем не было многих известий, содержащихся в других манускриптах, но были и известия, нигде более не встречающиеся, в том числе речи и объяснения происшедших событий¹⁷¹. Это описание многими было принято с доверием; даже скептически настроенный А. П. Толочко подыскивал образцы для него среди поздних украинских летописных списков¹⁷². Стоит, однако же, обратить внимание, что заданные Татищевым условия, как и в ситуации с «Историей Иоакима», заранее блокируют всякую возможность проверки: оригинал потерян, переделанный текст недоступен лингвистической верификации, вообще у нас нет ничего, кроме слов самого Татищева. В его «Истории Российской» немалое место занимают речи князей и вельмож (более похожие на рассуждения просвещенных дворян послепетровского времени, нежели на речи предводителей воинских дружин эпохи удельной раздробленности), равно как и

«объяснения» происходящих событий (выдержанные во вполне рационалистическом духе, безо всяких ссылок на Божий промысел, что было бы куда естественнее для автора «пергаментной» рукописи). Невольно закрадывается подозрение, что Раскольничий летописец понадобился Татищеву именно для подобного рода дополнений – Татищев еще не мог отказаться от придуманных речей, но был уже достаточно знаком с передовой исторической наукой своего времени, чтобы решаться на отрывое витийство. Представляется правдоподобным предположение А. В. Горovenko, что Татищев смоделировал «Раскольничий манускрипт» по образцу Голицынского (т. е. de facto Ермолаевского) списка Ипатьевской летописи, копию которого он получил в урезанном виде, без Галицко-Волынской летописи. Татищев выдал себя дублированием собственной ошибки: считая, что Голицынский список завершался описанием событий конца XII века, он перенес это ошибочное представление и на конструируемый им «Раскольничий манускрипт»¹⁷³.

Надежность выстроенной заранее обороны от нападок скептиков, обаяние легенды о древней пергаментной рукописи ввели в заблуждение не одно поколение исследователей. Татищев сумел навязать последующим историкам даже свою манеру мышления, так что Эверс спустя доброе столетие апеллирует, подобно Татищеву, к женским и христианским чувствам княгини Ольги. Даже явные признаки мистификации не замечались или толковались в благоприятном для Татищева ключе. Так, слово «дей» в заголовке Раскольничьего списка, будучи явным полонизмом, с головой выдавало подлог – так могли написать разве что в XVII столетии, когда ни о каких пергаментных манускриптах уже не могло быть и речи. Но Татищев не зря заранее продумал линию защиты, упомянув, что слог летописи был переделан раскольником при переписке. В расставленную ловушку попал даже академик М. Н. Тихомиров: «Непонятно слово «дей» в смысле действия, но оно могло

¹⁷⁰Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Часть первая. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1857. С. 132.

¹⁷¹Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 155.

¹⁷²Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 116-137.

¹⁷³Горovenko А. В. Василий Татищев... С. 116.

появиться в результате исправления самого раскольника, о чем упоминает Татищев»¹⁷⁴.

Таким образом, приходится согласиться с давним вердиктом Н. М. Карамзина: «Мнимая Раскольничья летопись так же достоверна, как Иоаким»¹⁷⁵. Раскольничью рукописи предназначалась роль «основного резервуара» татищевских известий до того, как была обретена «История Иоакима»: это явствует из 76 примечания ко 2-й редакции: «Ольга княгиня в некоторых манускриптах от Пскова, токмо в одном Раскольничьем от Изборска»¹⁷⁶. Введя в обращение «Иоакима», где тоже говорилось об изборском происхождении Ольги, Татищев позабыл исправить это примечание.

Откуда, однако же, мог почерпнуть Татищев идею об отмене Ольгой права первой ночи? Татищев сам отвечает на этот вопрос, упоминая о гипотетической замене этого права брачными пошлинами. О брачных пошлинах Татищев, как представитель феодального класса, знал не понаслышке. В русском праве они фиксируются по крайней мере с XIV века. Наиболее значимыми были т. н. новобрачная куница (пошлина на все браки) и «выводная куница» или просто «выводное» – пошлина за переход новобрачной в другое феодальное владение. Занимаясь историей, Татищев не мог не задуматься о происхождении выводной и новобрачной куницы. Популярное объяснение, приходящее на ум многим, кто впервые задается этим вопросом, – это связь брачных пошлин с правом первой ночи. Но, как и многие кажущиеся «логичными» объяснения, это предположение неверно. Право первой ночи, даже если оно было реальностью (что само по себе еще очень спорно), не связано напрямую с феодализмом, в отличие от брачных пошлин, которые появляются именно при развитии феодальном строе (что делает их введение Ольгой в X веке еще менее вероятным). Еще Н. П. Павлов-Сильванский указывал, что фольклорные данные о связи брачной

пошлины с правом первой ночи «представляют собой не указания на реальные отношения, а лишь позднейшие осмысливания свадебной пошлины. Совершенно так же объясняли значение свадебной пошлины в народе и у нас. Такое объяснение записано в прошлом (т. е. XVIII – Л. А.) веке в Малороссии». По поводу татищевского известия исследователь писал: «Оно представляет собою лишь позднее народное предание, возникшее из осмысливания свадебной пошлины, новобрачной куницы, после того как древнее обрядовое ее значение стало уже непонятным. История знает много таких народных преданий, которые возникли в древности, но не имеют ничего общего с реальными отношениями древности, еще более отдаленной»¹⁷⁷.

Придя к выводу о замене брачными пошлинами права первой ночи, Татищев попытался определить, когда именно это произошло в России. Он знал, что во всех доступных памятниках русского права, начиная с «Правды» Ярослава, право первой ночи не фигурирует; значит, оно было отменено раньше. Кто же мог его отменить? Из первых русских правителей Ольга подходила больше всего. Во-первых, она была первая правительница-христианка и потому стремление отменить непристойный обычай выглядело для нее естественным. Во-вторых, за ней уже числилась реформаторская деятельность (учреждение погостов, отеснение варягов и привлечение славян, миссионерство и строительство церковью). В-третьих, в «Степенной книге» упоминалось наложение Ольгой «легких даней», а оплата брачной пошлины взамен растления невесты князем или боярином действительно выглядела существенным «послаблением». Татищеву оставалось только придумать древнерусский аналог термину *jus prima noctis*. Видимо, изначальный вариант звучал как «княжее право», по аналогии с обозначением права первой ночи в других европейских языках – *Herrenrecht*, *droit du seigneur*, *lord's right*, – но это смотрелось слишком анахронично для древнерусского

¹⁷⁴Тихомиров. М. Н. Русские источники «Истории Российской». С. 57.

¹⁷⁵Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Прим. 385.

¹⁷⁶Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 272.

¹⁷⁷Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. Часть 2. М., 2017. С. 29, 30.

текста, и слово «право» было отброшено; в итоге получилось субстантивированное прилагательное, аналогичное «выводному», получившемуся из «выводной куницы».

Так волею Татищева Ольга стала инициатором важной реформы. Другое направление ее преобразовательной деятельности – оттеснение от кормила власти варягов в пользу славянского населения, заявленное еще в 1-й редакции, было без изменений перенесено во 2-ю: «Сих князей (Рюрика с братьями – Л. А.) пришествием видимо, что народ славянский толико унижен был, что мало где в знатности славян находилось, но всюду имена варяжские упоминаются... блаженная Ольга, сама бывши от рода славян, язык в большее употребление и народ славенской в знатность произвела, как уже то при ней всюду не токмо в начальниках и управителях, но детей и внучат имена славенские показались; а при Владимире уже варяги мало во управлении и видимы стали»¹⁷⁸. В понимании Татищевым этнических и языковых конфликтов наблюдается заметный регресс: если в 1739 году он указывал на роль кирилло-мефодиевской традиции и притягивания христианства в конечной победе славянского языка над варяжским, то в 40-е гг., в ходе работы над 1-й и 2-й редакциями Татищев всё свел к личной инициативе Ольги.

Невозможно не разглядеть здесь влияния общественно-политической обстановки начала царствования Елизаветы. Новая императрица позиционировала себя (и воспринималась многими из своих сторонников) как «защитница» русского народа, покончившая с «засильем иноземцев» при «бионовщине». Ранее Татищев был вхож к Артемию Волынскому, который свое соперничество с Бироном трактовал как борьбу «русской партии» с паразитирующими на России немцами. Дискурс противостояния заморским находникам проявился в татищевской истории о Святохне из фантомной «полоцкой летописи», якобы принадлежащей одному из сподвижников Волынского Еропкину¹⁷⁹. Но

императрица Елизавета не только потеснила курляндских и брауншвейгских «варягов»: она «прославилась» еще и указом о высылке из России евреев. Чуткий к велениям времени Татищев приписал аналогичный закон Владимиру Мономаху (поводом к домыслу послужили летописные известия о еврейском погроме накануне его вокняжения). Все эти «известия» суть ничто иное, как политические памфлеты, поданные в древнерусском антураже, но на самом деле являющиеся откликами на актуальные события XVIII столетия.

Понятия человека XVIII века сказались и в упорном стремлении Татищева отменить в призвании варягов мотив выбора князей народом. Наследование, с точки зрения Татищева, могло идти только на основе крови или свойства, в крайнем случае – через назначение предыдущим монархом; «вольный выбор» не мог привести ни к чему хорошему, примером чему для Татищева служило избрание народом на царство Бориса Годунова¹⁸⁰. Татищев уже в примечаниях к 1-й редакции высказывал предположение, что Рюрик с братьями находились в каком-то родстве с Гостомыслом; этого не было в источниках, но ведь «оное, может и было, да утрачено»¹⁸¹. Чаяния Татищева чудесным образом воплотились в обретенной «Истории Иоакима», в которой Рюрик оказался внуком Гостомысла и его наследником по женской линии, через одну из дочерей – ситуация, привычная для России послепетровского времени¹⁸². Свою реконструкцию Татищев скомпилировал с домыслом Стрыйковского о родстве с Гостомыслом Ольги – судя по всему, сама мысль увязать династии через дочь Гостомысла была подсказана Татищеву генеалогическими фантазиями польского хрониста. Ни Татищев, ни его последующие читатели и почитатели не озадачились тем, что в этой схеме брак Игоря с Ольгой получался близкородственным – внучка Гостомысла Ольга приходилась его правнуку Игорю двоюродной теткой.

¹⁸⁰Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 522.

¹⁸¹Там же.

¹⁸²Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383: «Иоаким паче всех сие утверждает, что Рюрик из Финляндии и как сын дочери Гостомысловы по наследию Руси государем учинился».

¹⁷⁸Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383.

¹⁷⁹Голочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 318-324.

Что Татищев при работе над второй редакцией продолжал высоко ценить не только польские, но и житийные и минейные источники, видно из того, что в «Истории Иоакима» была продолжена тема строительства Ольгой церкви. Правда, основание церкви св. Троицы на месте будущего Пскова Татищев, в духе Просвещения, заменил основанием самого Пскова. Если в Степенной книге и Минее Ольга посылает золото и серебро на строительство храма, то у Татищева она благоразумно тратит средства на постройку города и при этом велит «населить людьми, отсюду призывая»¹⁸³. Церковь св. Николая в Киеве, которую «Синописис» и Дмитрий Ростовский приписывали Ольге, Татищев «застолбил» за Аскольдом и его предполагаемым крещением¹⁸⁴. Зато получила развитие тема Святой Софии. Татищев, видимо, не был удовлетворен предположением Димитрия Ростовского о том, что привезенный Ольгой крест после нее хранился некими «верными людьми» и был поставлен в Софийский собор уже при Ярославе Мудром. Возникал вопрос, почему крест не нашел пристанища в церкви пророка Ильи, существовавшей уже при Игоре, или в той же Десятинной церкви, построенной Владимиром. Татищев нашел изящное решение: Ольга раньше Ярослава построила храм Святой Софии, только деревянный (изучая русские летописи, Татищев неоднократно сталкивался со строительством каменных церквей на месте прежних деревянных), куда этот крест и был поставлен, но храм этот был разорен

¹⁸³Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 54. Текстуально это место у Татищева близко к «Минее» Дмитрия Ростовского (см. Четьи-Миней. С. 318: «послала тамо злата и сребра много...и повелѣ при ней людям населятися»), но ссылки Татищев не дал. Более того, он отделил это известие от новгородско-псковской поездки Ольги, в которую оно изначально было вписано, и отнес ко времени до крещения Ольги – не затем ли, чтобы скрыть заимствование из житийной литературы, в которой Ольга пророчила о Пскове и спонсировала церковное строительство, уже будучи крещеной? Возможно, с «разрывом» известий о северной поездке связано датирование Татищевым рождения Владимира 948 г., зачеркнутое в окончательной редакции (см. ниже прим. 186).

¹⁸⁴Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 137, 146.

Святославом во время начатых им гонений на христиан. Вполне естественно, что после строительства Ярославом каменного собора Ольгин крест был вновь перенесен в обновленную Софию Киевскую. История получалась складная, но Татищеву, видимо, принесение креста в последний момент показалось всё же слишком «баснословным», и он оставил только упоминание о подаренных патриархом иконах (причем иконы были присланы из Константинополя, а не привезены Ольгой, как в Степенной книге). Дополнительно Татищев попытался увязать историю о Софии с Нестором, написав: «О церкви же Софийской Нестор смятно написал»¹⁸⁵; на самом деле в ПВЛ вовсе не говорилось о строительстве этой церкви Ольгой – ни «смятно», ни как-либо еще.

Внедрение «Истории Иоакима» было самой важной новацией второй редакции. В остальном Татищев воспроизводил идеи, изложенные еще в первой редакции (включая, например, догадку о рождении Владимира Святого во время новгородско-псковского «похода» Ольги, соображения о времени крещения Ольги, о невероятности сватовства к ней императора¹⁸⁶), пересказывая их «нынешним наречием» и внося некоторые дополнения в текст и в ссыльный аппарат¹⁸⁷. Перевод «древнего наречия» на «настоящий» и «яснейший» слог порой преподносил сюрпризы. Так, жалобы Игоревой дружины на богатство отроков Свенельда, в первой редакции изложенные близко к летописному тексту, во второй приняли следующий вид: «В то же время войско Игоревое Свинельдовой власти просили Игоря, чтоб велел им дать оружие и одежды или бы пошел с ними на древлян, где

¹⁸⁵Там же. С. 146.

¹⁸⁶Там же. С. 283, 284, 285. Рождение Владимира Татищев датировал было 948 годом, но затем заменил это известие на основание Ольгой Пскова (Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 357-358, вар. 45-45).

¹⁸⁷Например, рассказ об отказе греческому посольству был дополнен соображением: «далеко войска за Царьград посылать опасались» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 56). В речь первого древлянского посольства была вставлена поясняющая ремарка – «чтобы вы за нашего князя Мала пошли и злобу между нами и вами пресекли» (Там же. С. 52).

князь и они могут довольно получить»¹⁸⁸. (Попутно была внесена тактическая подробность: древляне атаковали и убили Игоря ночным нападением). Невозможно поверить, что Татищев так плохо понимал летописные тексты; но тогда степень вольности его обращения с данными источников поражает еще больше. Столь же трудно решить, что перед нами – вопиющее непонимание или сознательное искажение текста источника – в том месте 2-й редакции, где речь идет о битве с древлянами. Если в 1-й редакции Татищев воспроизводит своим якобы «древним» наречием летописные известия о малолетстве Святослава и о том, что брошенное им копье упало у ног его коня, относя свои соображения о возрасте Святослава в примечания, то во 2-й редакции «Святослав, хотя тогда млад был, но яко вождь и мститель смерти отца своего сам начал битву и, брося копием в древляны, пробил коня насквозь»¹⁸⁹. При столь вольной трактовке текстов уже вряд ли кого удивит превращение рыцарского «хочу на вы ити» в призыв к переговорам¹⁹⁰ или то, что Татищев переводил «челядь» как «войско»¹⁹¹.

Рационалист Татищев не мог не удивляться, как Ольге удалось скрыть от древлян расправу с первым посольством. Во второй редакции он дал этому объяснение: «Тогда же немедля постави Ольга крепкие заставы, чтоб древлянном никто ведомости дать не мог...»¹⁹². Ни на какой из источников Татищев при этом не ссылается, но и гадательный характер известия никак не обозначен, так что апологеты Татищева вольны предполагать, по примеру академика Б. А. Рыбакова, «что и это пояснение взято историком из имевшейся у него летописи»¹⁹³.

Упоминание в летописях о погостах также озадачило Татищева. Возможное решение он предложил в примечаниях: слово «погост» он сопоставил с якобы

«черемисским» словом «пагиях», будто бы обозначающим «волость»; отсюда он заключил, что Ольга «на волости разделила, и сарматския пигачь именовала, а после в погост превращено»¹⁹⁴. В целом летописные известия об Ольгиных даях, погостах, уроках, уставах и ловищах, – т. е. именно те сведения, которые последующими историками будут активно изучаться и анализироваться в рамках концепта реформ княгини Ольги, – привлекли внимание Татищева лишь в малой степени. Гораздо большее значение для его реконструкций имели поздние компиляции, такие как Степенная книга, Четьи-Минеи, Стрыйковский и Синописис. По крайней мере большинство татищевских известий о княгине Ольге представляют собой органическое продолжение и развитие домыслов, внесенных в бесхитростный летописный рассказ об Ольге авторами XVI–XVII вв.

Начало цепочки домыслов положил еще Герберштейн, превративший Гостомысла из старейшины в князя. Стрыйковский снабдил новоявленного князя правнучкой Ольгой. Татищев превратил прадеда в деда и заодно уже сделал его дедом Рюрика. Преобразив Ольгу во внучку славянского князя, Татищев должен был дать ей славянское же имя и придумать ее переименование то ли Олегом из любви к ней, то ли по ее собственной инициативе, из благодарности к Олегу. Превратившись в славянку, Ольга оттесняет находников-иноземцев, возвышает славянский народ и славянский язык, чудесным образом предвосхищая ту программу, которую приписывали императрице Елизавете Петровне ее апологеты. Другая линия «реконструкций» шла из проложно-житийной традиции, через Четьи-Минеи Димитрия Ростовского: Ольга становилась активной проповедницей христианства на Руси, она сокрушала кумиры и строила храмы, она привезла из Константинополя крест, который позже устанавливают в Софийском соборе. Татищев преобразует эти сведения в рассказ о строительстве Ольгой деревянного собора Св. Софии в Киеве. Упомянувшееся в Степенной

¹⁸⁸Татищев В. Н. История Российская...Т. 2. С. 51.

¹⁸⁹Там же. С. 53.

¹⁹⁰Там же. С. 57.

¹⁹¹Там же. С. 59. Святослав расхваливает положение Переяславца на Дунае, говоря, он получает из Руси «кожи зверей, воск, мед и войско».

¹⁹²Там же. С. 52.

¹⁹³Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. 2-е изд. М., 2014. С. 383.

¹⁹⁴Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 284.

книге возложение Ольгой легких даней Татищев соединил с собственной теорией происхождения брачных пошлин – так на свет появилась история о том, как княгиня Ольга отменила на Руси право первой ночи. Стремление житийной традиции превратить Ольгу из уроженки Пскова в его основательницу кристаллизовалось в «изборскую» версию ее происхождения, «аутентизированную» в «Истории Иоакима». Еще один поздний источник – Никоновская летопись – сообщал о гневе Ольги на Малушу и ссылке в Будутино. Татищев не прошел мимо этого известия, пускай позднего и недостоверного, и украсил его своими домыслами о высоком социальном статусе матери Владимира и о законности брака Святослава с Малушей.

Подведем итог. Все татищевские известия о княгине Ольге основываются на сведениях, полученных из поздних источников – Четвѣй-Миней, Степенной Книги, Никоновской летописи, Синописа и Стрыйковского. Все эти источники уже сами по себе содержали немалое число домыслов; к этим домыслам Татищев щедрой рукой добавил свои собственные, частично вписав их напрямую в текст, частично аутентизировав ссылками на источники, в лучшем случае сомнительные, но скорее всего – просто выдуманные. Домыслы Татищева об Ольге, как и о других персонажах и сюжетах русской истории, проистекали как из наивно-рационалистических предположений и «логических» реконструкций, так и из злободневных социально-политических событий.

Обыкновенно даже те исследователи, которые не высоко ставят достоверность татищевских известий и источников, склонны противопоставлять этой оценке похвалы Татищеву как историку (С. Л. Пештич, А. П. Толочко, М. Б. Свердлов). Не решаясь говорить о всей «Истории Российской», заметим, что отображение Татищевым княгини Ольги и ее эпохи можно назвать удовлетворительным только по меркам первой половины XVIII столетия. Часто поминаемая «критическая оценка Татищевым своих источников» тут практически не заметна. Вся татищевская критика

ограничивается наивным рационализмом и соображениями обыденного здравого смысла, нагляднейший пример которых – его многоречивые и глубокомысленные рассуждения о том, что Ольга была слишком стара, чтобы прельстить императора¹⁹⁵. Другой пример – в целом верные указания Татищева о том, что якобы крестивший Ольгу император не мог быть Цимисхием¹⁹⁶; частично эти рассуждения заимствованы Татищевым из Дмитрия Ростовского.

Само по себе это, конечно, еще не сильно компрометирует Татищева как исследователя – в конце концов, до полноценной исторической критики было еще далеко, само понятие об историческом источнике находилось еще в процессе становления (полностью его сформулирует только великий Шлецер¹⁹⁷). Хуже другое. На склоне лет, после долгих занятий историей, Татищев так и остался на методологическом уровне 1730 года, когда он писал Шумахеру о задуманной «гистории великой княгини Ольги». Он продолжает доверять поздним источникам. Он по-прежнему считает достоверными источниками «прологи» и «польские истории». Получив в руки более ранние списки ПВЛ, Татищев ожидал найти в них подтверждения известий Дмитрия Ростовского и Стрыйковского. Не найдя таковых, он был озадачен и закономерно задался вопросом, откуда же поздние авторы черпали свою информацию. Что поздние известия просто выдуманы – такой мысли он, по-видимому, даже не допускал. Оставалось верить, что все добавления «прологов» и «польских историй» содержались в несохранившихся источниках: «книги те погибли или есче где хранятца»¹⁹⁸. Если у Татищева и были надежды отыскать эти «книги», то к 1748 г. они должны были исчезнуть. И вот тут-то Татищев и обретает Иоакимовскую «Историю». Идя на подлог, Татищев *мог не считать себя обманщиком*: он не сомневался, что книги, подобные

¹⁹⁵ Там же. С. 285.

¹⁹⁶ Там же. С. 284.

¹⁹⁷ Георгиев В. А. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII века. // Вестник РУДН. серия История России. № 3. 2011. С. 127-140.

¹⁹⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 132.

«Иоакиму», существуют, он лишь исправлял несправедливость слепой судьбы, не дающей эти книги в его руки. Показательно второе из приводимых им доказательств подлинности «Иоакима»: «Другое обстоятельство, что хотя так много разных манускриптов древних я имел, как в гл. 7 показано, однако ж многих в них обстоятельств, положенных в прологах и польских историях, не нахожу, а здесь почти точно или яснее тех положены. Следственно, оные сочинители не отъинуда, как из сея истории брали.»¹⁹⁹

Татищев ссылается на «прологи» и «польские истории» для аутентизации «Иоакима», из чего следует, что он считает эти источники заслуживающими полного доверия. Заодно он невольно проговаривается, подсказывая потомкам мотивы своей мистификации. Но во всём остальном его мистификации были проведены безупречно: оригинальные рукописи недоступны, текст переделан «новым наречием», – одним словом, никакая проверка невозможна, участь Краледворской рукописи ни «Истории Иоакима», ни «Раскольничьему манускрипту» не грозит.

По справедливому замечанию П. Н. Милюкова²⁰⁰, в XVIII в. для становления полноценной научной русской истории нужно было «разрушить», т. е. преодолеть Синописис, прорваться сквозь его позднейшие домыслы к начальным русским летописям. В этом плане Татищев оказался не на высоте: он, видимо, интуитивно чувствовал недостоверность Синописиса (это видно по

¹⁹⁹Там же. С. 133. Первым доказательством подлинности Татищев считал подробный рассказ о крещении новгородцев. Аутентизацию этой истории Татищев проводил уже опробованным приемом – созданием эффекта присутствия за счет повествования от первого лица и упоминанием мелких подробностей (как, например, с «летописцем Нифонтом», рассказывающим о своем пении в церкви с Игорем Ольговичем). Рассказ о крещении новгородцев получился столь красочным, что затмил в глазах читателей Татищева все другие разделы «Истории Иоакима», для аутентизации которых он изначально и был создан. Немалое количество историков готово признать позднее происхождение и слабую достоверность всей «Истории Иоакима» ... за исключением рассказа о битве Добрыни с Соловьем и Угоняем!

²⁰⁰Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 8.

тому, как мало и неохотно он на него ссылался), однако не только не преодолел его, но даже дополнил многие из его домыслов собственными известиями.

Татищев начал с Синописиса, Степенной книги и Миней и в итоге к ним же пришел²⁰¹. Столкнувшись с тем, что эти источники содержат поздние и недостоверные известия, он вернул им достоверность путем сначала домысливания, а потом и мистификации. Смелость Татищева в деле внедрения новых известий росла от одной редакции к другой. В начале своего творческого пути Татищев еще пытается отделить данные источников от своих реконструкций; на следующем этапе домыслы уже вписываются в основной текст, без указаний на их гадательный характер; а после 1748 года, когда была обретена «История Иоакима», домыслы легализуются с помощью поддельных источников – как самого «Иоакима», так и не менее сомнительных «Раскольничьего манускрипта» или «Симонова летописца».

Но, разумеется, было в Татищеве и что-то, отличавшее его от Иннокентия Гизеля. Мало кто из современных историков будет всерьез говорить о достоверности «уникальных» известий «Синописиса», но совсем немалое число историков готово допустить достоверность сведений, сообщаемых Татищевым. Обусловлено это тем, что татищевский взгляд на исторический процесс был гораздо ближе к современному. Он был рационалистом, пусть и наивным; его здравый смысл военного инженера и администратора гораздо ближе к системе представлений историков XIX и XX вв., нежели к внутреннему миру Иннокентия Гизеля и Дмитрия Ростовского. Его объяснения исторических событий даже современным историкам кажутся правдоподобными, поскольку опираются на схожую картину мира, сложившуюся еще в эпоху Просвещения.

Там, где летописцы увидели бы личную вражду князей или происки дьявола, он видел столкновение различных начал, идей,

²⁰¹Любопытно в этой связи наблюдение М. Б. Свердлова о сходстве в манере изложения материала «Иоакима» с «Синописисом» (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85).

принципов. В 1-й редакции «Истории Российской» борьба сыновей Святослава была вписана в контекст противостояния славян и варягов, причем сторона «славянофилов» досталась Владимиру Святому. Во 2-й редакции Татищев начинает воспроизводить этот рассказ, но затем резко обрывает его чуть ли не на полуслове, видимо, вспомнив, что варягов призывал вовсе не Ярополк, а как раз Владимир и что вовсе не словене новгородские, а именно варяги лишили Ярополка не только престола, но и жизни²⁰². Вражда Святославичей была переосмыслена как борьба христианства с язычеством, Ярополк оказался склонным к христианству, а причиной его гибели стала ненависть к нему приверженцев старой веры²⁰³. С. М. Соловьев поверил этой версии и внес ее в текст своей «Истории России с древнейших времен», отметив: «не заключая в себе никакого противоречия начальной Киевской летописи, летопись Иоакимова главной причиной Владимирова торжества выставляет борьбу христианства с язычеством; если бы даже это объяснение было выдуманно, то и тогда нужно было бы упомянуть о нем как о догадке, очень остроумной и вероятной»²⁰⁴.

Видеть за междоусобицами властителей борьбу различных партий и идеологий – черта, присущая историкам Нового Времени. Неудивительно, что Соловьеву версия Татищева о причине торжества Владимира над Ярополком показалась «очень остроумной и вероятной». Чтение передового для своего времени философа и историка С. Пуфендорфа дало Татищеву хорошую общетеоретическую подготовку. Этого было мало для действительно научных практических штудий, но зато это позволяло выдвигать «остроумные и вероятные» предположения, к которым возвращались и историки последующих эпох, мыслящие в той же парадигме просвещения, рационализма и естественного права, что и Татищев. И потому столь велико оказалось воздействие Татищева на последующую

отечественную историографию, в том числе и на оценку деятельности княгини Ольги. Не принимая многих из конкретных татищевских известий, например, об имени Прекраса или отмене права первой ночи, историки в целом всегда были согласны с тем, что на правление Ольги приходятся важные преобразования в политическом строе Древней Руси.

²⁰²Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383.

²⁰³Там же. С. 138, 146.

²⁰⁴Соловьев. С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1. С. 166.

Библиография

Источники:

- Гизель И.* Киевский синопсис. К., 1823.
Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. К., 1764.
Житие княгини Ольги // *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885.
ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая Летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000.
ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000.
ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Часть первая. СПб., 1908.
ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись. М., 2009.
ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
Синопсис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа... М., 1714.
Herberstein Siegmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... Wien, 1557.
Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1571.
Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Vol. I. Warszawa, 1846.

Литература:

- Азбелев С. Н.* Рецензия на книгу: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 3. 2007.
Астраханский В. С. «История Российская» В. Н. Татищева: Опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. М., 1993.
Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л., 1966.
Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018.
Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1989.
Гагин И. А. Очередное покушение на В. Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. 2008.
Георгиев В. А. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII века // Вестник РУДН, серия История России. № 3. 2011.
Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. 4. Прибавления. М., 1881.
Горovenko A. B. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб., 2019.
Горovenko A. B. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. Т. 4. № 5. 2018.
Грот Л. П. Семь веков новгородского летописания (Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.) // Исторический формат. № 3-4. 2017.

- Добрушкин Е. М.* Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории. // Советские архивы. № 5. 1971.
- Добрушкин Е. М.* О методике изучения «татищевских известий». // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977.
- Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева) // Русская литература. № 2. 1970.
- Екатерина II.* Записки касательно Российской истории. Часть I. СПб., 1787.
- Журавель А. В.* Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник РИО. Т. 10 (158). М., 2006.
- «История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (Стенограмма заседания 12 мая 2006 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2007.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга 1. Изд. 5-е. СПб., 1842.
- Карпенко А. А.* О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В. Н. Татищева // Исторический формат. № 3-4. 2017.
- Качин Н. А.* В. Н. Татищев – прообраз первого русского историка. // Вестник Томского государственного университета. История. № 1. (27). 2014.
- Конча С. В.* Исследования о летописи Иоакима // Начала Русского мира. № 1. 2014.
- Королев А. С.* Административно-финансовая реформа княгини Ольги в отечественной историографии. // Наука и школа. 2012.
- Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.
- Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976.
- Моргайло В. М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
- Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Часть первая. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1857.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. Часть 2. М., 2017.
- Перетц В. М.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.-Л., 1962.
- Пеитич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961.
- Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М., 1966.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. 2-е изд. М., 2014.
- Рыбаков С. В.* В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. № 4. 2007.
- Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.
- Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки. СПб., 2011.
- Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1-2. М. 1988.
- Стефанович П. С.* «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются. // Отечественная история. № 3. Май-июнь. 2007.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1976.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 2. М., 2016.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 4. М., 2017.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018.
- Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М., 2016.
- Толочко А. П.* История Российская Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005.
- Федотова М. А.* Житие княгини Ольги В Четых Минеях Димитрия Ростовского. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав

единого Русского государства. Сб. трудов междунар. науч. конф., Псков, Май 19-20, 2010. Псков, 2011.

Фомин В. В. Страсти по Татищеву // Исторический формат. № 1. 2016.

Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Историей от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М., 1789.

Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Duret C. Thrésor de l'histoire des langues de cest univers, contenant les origines... Par Matth. Berjon, pour la Societé caldorienne. 1613.

Lavrov A. Vasilij Tatiščev, "Mabillon russe" ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750), Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013.

Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Сведения об авторе:

Аряев Леонид Николаевич, врач-психиатр Тюрингской клиники психиатрии, психотерапии и психосоматической медицины, г. Зальфельд (Германия). Область научных интересов: история Древней Руси.

Email: l.aryayev@yandex.ru

L. N. Aryaev

TATISHEV'S INFORMATION ABOUT OLGA OF KIEV AND HER REFORMS

Annotation: Tatishchev's information about Olga of Kiev is being analyzed. Much of this information has been shown to come from the "Book of Royal Degrees", "Monthly Readings" by Dimitry of Rostov, "Synopsis", Strykowski's Chronicle and the Nikon's Chronicle. Tatishchev uncritically repeated many of the additions contained in these sources and added his own speculations, some of which he supported with references to questionable sources.

Keywords: V. N. Tatishchev, Olga of Kiev, Strykowski's Chronicle, "Book of Royal Degrees", "Monthly Readings" by Dimitry of Rostov, "Synopsis", "Manuscript of Old Believer", "Joachim's story".

References

Sources:

Giesel I. Kievskii sinopsis. [Synopsis of Keiv]. Kyiv, 1823. (In Russian).

Dimitrii of Rostov. Zhitiya svyatykh [Vita of the saints] // Kniga chetvertaya. Iyun ', iyul', avgust. Kyiv, 1764. (In Russian).

Zhitie knyagini Olgi [Vita of Saint Olga]. // Loseva O. V. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vekov. Moscow, 2009. (In Russian)

Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1885. (In Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskemu spisku. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 3. Novgorodskaya Pervaya Letopis' Starshego i Mladshego izvodov. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. X. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (prodolzhenie). Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 21. Kniga Steppennaya tsarskogo rodosloviya. Chast' pervaya. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

PSRL Vol. XXX. Vladimirskii letopisets. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivnaya) letopis'. Moscow, 2009. (In Russian).

PSRL. Vol. 31. Letopistsy poslednei chetverti XVII v. Moscow, 1968. (In Russian).

PSRL. Vol. 38. Radzivillovskaya letopis'. Leningrad, 1989. (In Russian).

PSRL. Vol. 40. Gustynskaya letopis'. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Priselkov M. D. Troitskaya letopis' [Trinity Lavra's Codex]. Rekonstruktsiya teksta. Moscow - Leningrad, 1950. (In Russian).

Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev [Synopsis or brief description of the beginnings of the Russian people]. Moscow, 1714 (in Russian)

Herberstein Siegmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... [Moscow the capital of Russia...]. Wien, 1557. (In German)

Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii [Notes on Muscovite Affairs]. Basel, 1571. (In Latin)

Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Ruthenia]. Vol. I. Warszawa, 1846. (In Polish).

Researches:

Azbelev S. N. Retsenziya na knigu: Tolochko A. P. "Istoriya Rossiiskaya" Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. M., 2005. 544 p. [Book review: A. P. Tolochko "Russian History" by Vasilii Tatishchev: sources and information] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. No. 3. 2007. (In Russian).

Astrakhanskii V. S. "Istoriya Rossiiskaya" V. N. Tatishcheva: Opyt tekstologicheskikh, istoriograficheskikh i bibliograficheskikh izyskaniy [Russian History by V. N. Tatishchev: Experience of textological, historiographic and bibliographic research]. Moscow, 1993. (In Russian).

Valk S. N. V. N. Tatishchev i nachalo novoi russkoi istoricheskoi literatury [Tatishchev and the beginning of a new Russian historical literature]. Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kultury. Moscow-Leningrad, 1966. (In Russian).

Valk S. N. O sostave rukopisei sed'mogo toma "Istorii Rossiyskoi" V. N. Tatishcheva [On the composition of the manuscripts of the seventh volume of the "History of Russia" by V. N. Tatishchev] // Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. Vol. 7. Moscow, 2018. (In Russian).

Gavrilova L. M. Istochniki "Zapisok kasatel'no Rossiiskoi istorii" Ekateriny II [Sources of "Notes on Russian history" by Catherine II] // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Vol. 20. Leningrad, 1989. (In Russian).

Gagin I. A. Ocherednoe pokushenie na V. N. Tatishcheva. [Another attempt on V. N. Tatishchev] // Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki. Iss. 2. 2008. (In Russian).

Georgiev V. A. "Pripasy", iz kotorykh "pocherpat' dolzhno izvestiya": ponyatie "istoricheskii istochnik" v trudakh istorikov XVIII veka. [„Supplies”, from which “the information should be drawn”: the concept of “historical source” in the works of historians of the XVIII century] // Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. No. 3. 2011. (In Russian).

Golubinskii E. E. O tak nazyvaemoi Ioakimovskoi letopisi Tatishcheva [About the so-called Joachim Chronicle by Tatishchev] // Tvoreniya svyatykh ottsov v russkom perevode, izdavaemye pri Moskovskoi dukhovnoi akademii. Book 4. Pribavleniya. Moscow, 1881. (In Russian).

Gorovenko A. V. Vasiliy Tatishchev i "drevnie letopisi": domongol'skaya Rus' glazami pervogo russkogo istorika. [Vasily Tatishchev and "ancient chronicles": pre-Mongol Rus through the eyes of the first Russian historian]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Gorovenko A. V. Rasskaz Ioakimovskoi letopisi o kreshchenii novgorodtsev: mogu li dannye arkhologii oprovergnut' tekstologicheskie vyvody? [The story of the Joachim Chronicle about the baptism of the Novgorodians: can archeological data refute the textual conclusions?]. Valla. Vol. 4. No. 5. 2018. (In Russian).

Grot L. P. Sem' vekov novgorodskogo letopisaniya [Seven centuries of the Novgorod chronicle (Azbelev S. N. Letopisanie Velikogo Novgoroda. Letopisi XI–XVII vekov kak pamyatniki kul'tury i kak

istoricheskie istochniki. M.: Russkaya panorama; St. Petersburg: BLITS. 2016. 280 p.) //Istoricheski format. No. 3-4. 2017. (In Russian).

Dobrushkin E. M. Neopublikovannaya rukopis' V. N. Tatishcheva po russkoi istorii. [An unpublished manuscript by V. N. Tatishchev on Russian history]. Sovetskie arkhivy. No. 5. 1971. (In Russian).

Dobrushkin E. M. O metodike izucheniya "tatishchevskikh izvestii". [On the method of studying "Tatishchev's word"] // Istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Coll. of art. 1976. Moscow, 1977. (In Russian).

Dobrushkin E. M., Lur'e Ya. S. Istorik-pisatel' ili izdatel' istochnikov? (K vykhodu v svet akademicheskogo izdaniya «Istorii Rossiyskoy» V. N. Tatishcheva) [Historian-writer or publisher of sources? (To the publication of the academic edition of the "History of Russia" by V. N. Tatishchev)] // Russkaya literatura. No. 2. 1970. (In Russian).

Ekaterina II. Zapiski kasatel'no Rossiiskoi istorii. Chast' I. [Notes on Russian history. Part I]. St. Petersburg, 1787. (In Russian).

Zhuravel' A. V. Novyi Gerostrat, ili U istokov "modernoj istorii". [New Herostratus, or At the origins of modern history] // Sbornik RIO. Vol. 10 (158). Moscow, 2006. (In Russian).

"Istoriya Rossiiskaya" V. N. Tatishcheva v noveishikh issledovaniyakh (Stenogramma zasedaniya 12 maya 2006 g.) ["Russian history" by V. N. Tatishchev in the latest research (A transcript of the meeting on May 12, 2006)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Iss.1. 2007. (In Russian).

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Kniga 1. [History of Russian State. Book 1]. 5th Edition. St. Petersburg, 1842. (In Russian).

Karpenko A. A. O genealogicheskikh predaniyakh Ioakimovskoi letopisi V. N. Tatishcheva [On the genealogical legends of the Joachim Chronicle of V. N. Tatishchev] // Istoricheskiy format. No. 3/4. 2017. (In Russian).

Kachin N. A. V. N. Tatishchev – proobraz pervogo rossiiskogo istorika [V. N. Tatishchev as the prototype of the first Russian historian]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. No. 1. (27). 2014. (In Russian).

Koncha S. V. Issledovaniya o letopisi Ioakima [Research on the chronicle of Joachim]. Nachala Russkogo mira. No. 1. 2014. (In Russian).

Korolev A. S. Administrativno-finansovaya reforma knyagini Olgi v otechestvennoi istoriografii [Administrative and financial reform of Olga of Kiev in Russian historiography]. // Nauka i shkola. 2012. (In Russian).

Milyukov P. N. Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli. T. 1. [The main currents of Russian historical thought. Vol. 1.]. Moscow, 1898. (In Russian).

Moiseeva G. N. Troitskaya letopis' v sochineniyakh Ekateriny II [Trinity Lavra's Chronicle in the writings of Catherine II] // TODRL. Vol. XXX. Leningrad, 1976. (In Russian).

Morgailo V. M. Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstem Ioakimovskoi letopisi [V. N. Tatishchev's work on the text of the Joachim Chronicle] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 g. Moscow, 1963. (In Russian).

Nevolin K. A. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 3. Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Chast' pervaya. Vvedenie i kniga pervaya o soyuzakh semeistvennykh [Complete Works. Vol. 3. History of Russian civil laws. Part one. Introduction and the first book about family unions]. St. Petersburg, 1857. (In Russian).

Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii. Chast' 2 [Feudalism in Russia. Part 2]. Moscow, 2017. (In Russian).

Peretts V. M. Issledovaniya i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVII vekov [Research and materials on the history of ancient Ukrainian literature. XVI–XVII centuries]. Moscow-Leningrad, 1962. (In Russian).

Peshtich S. L. Russkaya istoriografiya XVIII veka. Chast' I [Russian historiography of the XVIII century. Part I]. Leningrad, 1961. (In Russian).

Rogov A. I. Russko-pol'skie kul'turnye svyazi v epokhu Vozrozhdeniya. Strykovskii i ego Khronika [Russian-Polish cultural ties during the Renaissance. Strykowski and his Chronicle]. Moscow, 1966. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti [Kievan Rus and Russian principalities of the XII–XIII centuries. The origin of Russia and the formation of its statehood]. 2nd Ed. Moscow, 2014. (In Russian).

Rybakov B. A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. 2-e izd. M. 2014. (In Russian).

Rybakov S. V. V. N. Tatishchev v zerkale russkoi istoriografii [Tatishchev in the mirror of Russian historiography] // Voprosy istorii. No. 4. 2007. (In Russian).

Sverdlov M. B. Vasilii Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor “Istorii Rossiiskoi”. [Vasilii Nikitich Tatishchev – the author and the editor of “Russian History”]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Sverdlov M. B. M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki. [M. V. Lomonosov and the formation of historical science]. St Petersburg, 2011. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. 1. T. 1-2. [Complete Works in 18 books. Book 1. Vol. 1-2]. Moscow, 1988. (In Russian).

Stefanovich P. S. “Istoriya Rossiiskaya” V. N. Tatishcheva: spory prodolzhayutsya. [“Russian History” by V. N. Tatishchev: the controversy continues] // Otechestvennaya istoriya. No. 3. May-June. 2007. (In Russian).

Tatishchev V. N. Izbrannye proizvedeniya. [Selected works]. Leningrad, 1976. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 1. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2016. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 2. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 2]. Moscow, 2016. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 4. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 4]. Moscow, 2017. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 7. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 7]. Moscow, 2018. (In Russian).

Tikhomirov M. N. O russkikh istochnikakh “Istorii Rossiiskoi” [About Russian sources of “Russian history”] // Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen. V 7 t. Vol. 1. Moscow, 2016. (In Russian).

Tolochko A. P. Istoriya Rossiiskaya Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. [Russian History by Vasilii Tatishchev: sources and information]. Moscow - Kyiv, 2005. (In Russian).

Fedotova M. A. Zhitie knyagini Olgi v Chet'ikh Mineyakh Dimitriya Rostovskogo [Vita of Olga of Kiev in the “The Lives of Saints” by Dimitriy of Rostov] // Pskov. Russkie zemli i Vostochnaya Evropa v XV–XVII vv.: K 500-letiyu vkhozhdeniya Pskova v sostav edinogo Russkogo gosudarstva. Sb. trudov mezhdunar. nauch. konf., Pskov. May 19-20, 2010. Pskov, 2011. (In Russian).

Fomin V. V. Strasti po Tatishchevu [Tatishchev Passions] // Istoricheskii format. No. 1. 2016. (In Russian).

Shcherbatov M. M. Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossiiskoi istorii, k odnomu ego priyatelyu, v opravdaniye na nekotoryya sokrytyya i yavnyya okhuleniya, uchinennyya yego Istorii ot gospodina general-maiora Boltina, tvortsa Primechaniy na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii, g. Leklerka. [Letter from Prince Shcherbatov, the author of Russian history, to a friend, as an excuse for some hidden and obvious blasphemy perpetrated by his History from Mr. Major General Boltin, creator of Notes on the History of Ancient and Present Russia, Mr. Leclerc]. Moscow, 1789. (In Russian).

Evers I. F. G. Drevneishee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii [The oldest Russian law in its historical disclosure]. St. Petersburg, 1835. (In Russian).

Duret C. Thrésor de l'histoire des langues de cest univers. contenant les origines... [Treasurer of the history of the languages...]. Par Matth. Berjon, pour la Societe caldorieneo 1613. (In French).

Lavrov A. Vasilij Tatiščev, “Mabillon russe” ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750) [Vasilii Tatishchev, “Russian Mabillon” or mystifier? The Chronicle of Joachim in the History of Russia (1748-1750)] // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à

Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013. (In French).

Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. [The North and East of Europe and Asia.]. Stockholm, 1730. (In German).

About the author

Aryaev Leonid N., psychiatrist at the Thuringian Clinic for Psychiatry, Psychotherapy and Psychosomatic Medicine, Saalfeld (Germany).

E-mail: l.aryayev@yandex.ru